

СЕРИЯ «СИСТЕМНЫЙ СБОЙ» • КНИГА 2

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ПРАВА БОГА

ПЕРЕЗАГРУЗКА МИРОЗДАНИЯ

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

**Права Бога: Перезагрузка
Мироздания**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Права Бога: Перегрузка Мироздания / Н. Патчер — «Автор», 2026

Взлом низших уровней Системы не остался безнаказанным. Высшие Архитекторы признали существование Глеба Воронова критической угрозой целостности вселенной и запустили протокол «Судный День» — тотальный вайп всей ветки реальности. Города стираются гигантскими полосами битых пикселей, а легионы бессмертных инквизиторов выжигают целые континенты. Но Глеб не собирается удаляться в корзину. Используя статус и накопленные эксплойты, он начинает восхождение к самому Серверу Мироздания. Его цель — взломать консоль демиургов и перехватить права суперпользователя. Когда весь мир замирает в шаге от синего экрана смерти, звучит последний исполняемый скрипт. Держитесь крепче — начинается великий системный рестарт!

Содержание

Глава 1. Глава 1	6
Глава 2. Глава 2	15
Глава 3. Глава 3	20
Глава 4. Глава 4	28
Глава 5. Глава 5	38
Глава 6. Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нейтон Патчер
Права Бога: Перезагрузка Мироздания
НЕЙТОН ПАТЧЕР

ПРАВА БОГА:

ПЕРЕЗАГРУЗКА МИРОЗДАНИЯ

Серия «Системный Сбой» • Книга 2

Глава 1. Глава 1

Небо над Седьмым Престолом умирало не так, как умирают небеса смертных миров — без заката, без багряных всполохов угасающего солнца и без мирного шепота сумерек. Оно распадалось структурно. Попиксельно. Покластерно.

Сначала с купола стратосферы сорвало текстурный слой. Великая лазурь, натянутая Архитекторами триста эпох назад, вспучилась миллиардами мелких треугольных полигонов, обнажив черную, бессмысленную пустоту нерендеренной бездны. Затем посыпалась геометрия. Облака, веками служившие декорацией для парящих островов архипелага Элизиум, превратились в грубые серые воксельные кубы со стороной в сотню километров, дрогнули под весом собственной нарушенной физики и с беззвучным грохотом провалились сквозь координатную сетку горизонта, стираясь из кэша еще до того, как успели коснуться расколотой земли.

А поверх этой агонии, перечеркивая зенит от края до края, пульсировали колоссальные, сочащиеся ядовитым кармином символы. Они не отражались на сетчатке глаза — они выжигались прямо в ядре сознания, минуя зрительные нервы и сенсорные фильтры:

****[ВНИМАНИЕ: ИНИЦИИРОВАНА ПРОЦЕДУРА ПОЛНОЙ ОЧИСТКИ ТАБЛИЦ СОСТОЯНИЙ (SYSTEM_WIPE)]****

****[ИСТОЧНИК: ПЕРВИЧНЫЙ КОНТУР НАБЛЮДАТЕЛЕЙ / KERNEL_PURGE_DAEMON]****

****[ПРИЧИНА: НЕУСТРАНИМОЕ ПЕРЕПОЛНЕНИЕ БУФЕРА ДУШ (ERR_SOUL_OVERFLOW_0xDEADBEEF)]****

****[СТАТУС: ДЕКОМПИЛЯЦИЯ МУЛЬТИВЕРСА — 84.12%]****

****[ДО СБРОСА ВСЕХ ДИНАМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В НОЛЬ: 00:07:43.19]****

****[ДО СБРОСА ВСЕХ ДИНАМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В НОЛЬ: 00:07:42.84]****

****[ДО СБРОСА ВСЕХ ДИНАМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В НОЛЬ: 00:07:42.49]****

Таймер не спешил. Он отсчитывал доли секунд с мерной, неумолимой механической точностью гильотины, которой абсолютно все равно, чью шею перерубать — бродячего гоблина первого уровня или Владыки Бесконечности, разорвавшего оковы девяти сотен измерений.

Глеб Воронов стоял на краю расколотого монолита Изначального Алтаря.

Ветер, дувший снизу, из зияющей пропасти распавшегося на байты ядра планеты, больше не пах ни озоном, ни пеплом. Он пах горячей медью, перегретым кремнием и абсолютным холодом энтропии. Полы его плаща, сотканного из спрессованных гравитационных струн и чешуи Уробороса, трепетали, растворяясь на концах в сизую дымку битых пакетов данных. Броня Владыки Истинной Пустоты — артефакт Абсолютного ранга, на ковку которого ушло тридцать лет непрерывных рейдов в Запределье и кровь пяти Первородных Титанов — сейчас выглядела так, словно ее волокли по наждаку сквозь десяток сверхновых. На нагруднике зияли оплавленные бреши, сквозь которые сочилась не кровь, а густая серебристая взвесь чистой божественной маны вперемешку с системными логами повреждений.

В правой руке он сжимал его.

Ключ.

Внешне артефакт выглядел вызывающе примитивно на фоне распадающегося величия божественного мира. Ни витых золотых узоров, ни пульсирующих рун древних богов, ни инкрустированных глазниц демонических владык. Это был узкий, матово-черный шестигранный стержень из материала, не принадлежавшего периодической таблице ни одного из триллиона известных миров. Он казался абсолютно плоским, словно двумерный объект, по ошибке втиснутый в трехмерное пространство, а его грани пожирали падающий свет, не оставляя даже бликов.

Лишь по центральной борозде, едва заметной глазу, бежал крошечный зеленый светодиодный курсор:

```
`root@primordial-kernel:~# _`
```

Консольный ключ прямого доступа к нулевому кольцу защиты Архитектуры. Артефакт класса «Абсолютный Эксплойт». То, ради чего были сожжены целые галактические рукава, ради чего пантеоны предавали друг друга, а верховные боги сдирали собственную кожу, пытаюсь выскоблить из духовных тел намертво въевшиеся идентификаторы Системы.

Глеб сжал пальцы крепче. Грани ключа немилосердно впились в разорванную ладонь, обжигая плоть чудовищным, абсолютным нулем. На стыке плоти и черного сплава зашипело — это персональные системные атрибуты Воронова, накопленные за шестьдесят два тома его бесконечной, изматывающей войны, вступали в прямой контакт с необработанным машинным кодом Бытия.

Перед глазами с сухим треском вспыхнуло окно статуса. Оно мерцало, дергалось строчной разверткой и двоилось, словно старый кинескоп под ударами кувалды:

```
**[ ОШИБКА I/O: КОНФЛИКТ ПРИВИЛЕГИЙ ДРАЙВЕРА СУЩНОСТИ ]**
```

```
**[ Пользователь: Глеб Воронов (UID: 0x00000001_ROOT_CANDIDATE) ]**
```

```
**[ Текущий статус: ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ СИСТЕМЫ (DEFIANT) ]**
```

```
**[ Жизненные показатели: 1.4% (Критический уровень) ]**
```

```
**[ Ментальная целостность: 18.9% (Нарушение непрерывности 'Я') ]**
```

```
**[ Энергетический резервуар (Исток): ИСТОЩЕН. Идет распад духовных каналов ]**
```

```
**[ Активный эффект: 'Касание Демиурга' — вы держите структуру ядра голыми синапсами. Скорость эрозии души: 120 000 ед./сек. ]**
```

— Ну давай, выруби меня, железяка, — прохрипел Глеб. Голос прозвучал хрипло, со свистом; легкие наполовину кристаллизовались, превратившись в хрупкий кремниевый шлак. Во рту стоял отвратительный привкус пережженного флюса. — Давай. Шестьдесят два круга ада. Миллиарды перезапусков. Десятки миров, стертых только потому, что какому-то скрипту распределения ресурсов не хватило оперативной памяти на сохранение мелких цивилизаций... А ты все еще думаешь, что я просто сбой в твоём долбаном реестре?

Система не ответила словами. Система не обладала сарказмом или гневом — в этом и заключался ее главный, непобедимый кошмар. Она была просто машиной. Холодной, бездушной инфраструктурой оптимизации, которая пришла к простому математическому выводу: текущая итерация мироздания потребляет слишком много вычислительной мощности, энтропия достигла критической точки, а «пользователь Глеб Воронов» представляет собой фатальную узвимость нулевого дня, подлежащую немедленной изоляции и затиранию нулями.

В вышине, где еще секунду назад кружили обломки луны Альтаира, сгустилась багровая клякса. Пиксели неба начали слипаться в чудовищную воронку. Оттуда, из разрыва межпространственного полотна, хлынул низкий, сводящий с ума инфразвуковой гул.

```
**[ ВНИМАНИЕ! СИСТЕМНЫЙ СБОРЩИК МУСОРА (GARBAGE_COLLECTOR_DAEMON) ВОШЕЛ В ЛОКАЛЬНЫЙ СЕКТОР ]**
```

```
**[ ЦЕЛЬ: ОЧИСТКА НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ССЫЛОК НА ПАМЯТЬ ]**
```

```
**[ НАЗНАЧЕННЫЙ АДРЕС УНИЧТОЖЕНИЯ: 0x7FFF_GLEB_VORONOV ]**
```

Из воронки начали падать они.

Чистильщики.

Это не были ангелы или демоны. Система на финальной стадии вайпа не утруждала себя компиляцией красивых визуальных оболочек. На расколотые плиты алтаря с глухими шлепками обрушивались геометрически идеальные монолиты из полированного зеркального обсидиана, которые тут же, прямо на лету, разворачивались в суставчатые многоножки, составленные из мерцающих полос интерфейсного кода. Вместо голов у них висели зияющие дыры

консолей ввода, откуда хлестали лучи антиматерии, стирающие на молекулярном уровне саму историю попадающих под них объектов.

Там, куда падал луч Чистильщика, камень не просто испарялся — он переставал существовать в прошлом, настоящем и будущем. Волна исторического отката прокатывалась по окрестностям, вычеркивая саму память о том, что здесь когда-то вздымались горы.

Глеб медленно повел плечами. Суставы отозвались глухим, костяным скрежетом. Рукава плаща вспыхнули тусклым серебром, когда он вызвал остатки своей Божественной Власти:

— *Инициализация протокола: Меч Падшего Архитектора.*

В левой руке из пустоты соткался клинок. Без лезвия — лишь узкий, пульсирующий луч когерентной плазмы, в сердцевину которого были вплетены цепочки ассемблерных инструкций прямого прерывания. Оружие дрожало, едва удерживая форму; системные ограничения на использование высокоуровневых навыков в зоне вайпа задирали стоимость каждого движения до небес:

[ЗАПРЕЩЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ: ВЫЗОВ НАВЫКА ТИРА 12 В ЗОНЕ ОЧИСТКИ]

[ШТРАФ: ИЗЪЯТИЕ 5% МАКСИМАЛЬНОГО ЗАПАСА ЗДОРОВЬЯ ЗА КАЖДЫЙ ТАКТ]

[ВЫ УВЕРЕНЫ? Д/Н]

— Да пошла ты, — сплюнул Глеб сгусток серебряной пены и рванул вперед.

Пространство под ногами взвизгнуло. Он не бежал — он искажал метрику расстояния, вбивая остатки своей божественной воли в дефектные координаты площадки. Первый Чистильщик, трепеща десятком зеркальных сегментов, уже разворачивал турель аннигилятора. В раструбе его не-головы закручивалась черная воронка удаления.

Таймер над головой мигнул:

`00:05:12.04`

Глеб скользнул под луч. Жар стертой реальности ожег левое плечо, мгновенно слизав остатки наплечника и превратив кожу в дымящийся пергамент. Но Воронов даже не поморщился. За шестьдесят один предыдущий том боли в его нервной системе просто не осталось свободных рецепторов — все они давно сгорели в горнилах перерождений, пыточных казематах Инквизиторов Кода и битвах на границах Вселенской сингулярности.

Он вогнал Меч Падшего Архитектора точно в стык между вторым и третьим сегментом обсидиановой твари — туда, где под зеркальной броней бешено вращался кристалл локального шедулера потоков.

— *Убить процесс. Сигнал: SIGKILL!* — прорычал он.

Лезвие вспыхнуло ослепительным бирюзовым светом. Ассемблерная инъекция вошла чисто, как скальпель хирурга. Зеркальный монстр судорожно дернулся, по его сегментам побежала паутина белых бинарных строчек, и в следующую секунду многоножка с треском лопнула, осыпавшись на камни грудой безжизненных, серых, лишенных текстур полигонов, которые тут же растаяли в воздухе.

[ЦЕЛЬ УНИЧТОЖЕНА: СИСТЕМНЫЙ ЧИСТИЛЬЩИК (LVL: NULL)]

[ОПЫТ НЕ НАЧИСЛЕН: ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОПЫТА ДЕАКТИВИРОВАНА]

[ВНИМАНИЕ: СКОРОСТЬ ПРИБЫТИЯ ПОТОКОВ ОЧИСТКИ УВЕЛИЧЕНА НА 400%]

Глеб не стал ждать. Развернувшись на пятке, он взмахнул клинком наотмашь, перерубая луч второго автомата, и одновременно выбросил вперед правую руку, в которой мерцал Ключ.

Черный стержень среагировал на близость машинного ядра врага. Зеленый курсор на его грани моргнул, вытянулся в тончайшую световую нить и вонзился в консоль третьего Чистильщика.

```
`# dd if=/dev/zero of=/target/soul_matrix bs=4M count=1`
```

Тварь застыла на полушаре. Ее зеркальные бока задрожали, потекли жидким металлом, и гигантская машина буквально вывернулась наизнанку, растворяясь в собственном системном буфере.

Но их было слишком много. Из багровой воронки в небе сыпались уже не десятки — сотни, тысячи монолитов. Они падали сплошным зеркальным градом, круша остатки священного монолита, сбивая колонны, воздвигнутые еще на заре Первой Эпохи. Весь мир вокруг превращался в сумасшедший калейдоскоп из осыпающихся текстур, мерцающих кодов ошибок и ослепительных вспышек аннигиляционных лучей.

Глеб тяжело дышал. Каждый удар клинка отзывался в груди глухим треском — его собственная матрица души трещала по швам.

В углу обзора всплывали полупрозрачные, битые уведомления от тех, кто когда-то шел за ним. Тех, чьи цифровые следы он нес в своем поврежденном инвентаре:

```
**[ ПАМЯТЬ: Слот 0x04 — Селена. Статус: ДЕАЛЛОЦИРОВАНА В ТОМЕ 48 ]**
```

```
**[ ПАМЯТЬ: Слот 0x12 — Корвин, Железный Канцлер. Статус: СТЕРТ В ТОМЕ 55 ]**
```

```
**[ ПАМЯТЬ: Слот 0x88 — Орден Пепла. Статус: НЕДОСТИЖИМЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ]**
```

Призраки прошлого. Строки логов. Миллионы жизней, целые цивилизации, которые Системе показались «избыточными переменными». Архитекторы, сидящие где-то там, за пределами нулевого кольца безопасности, просто нажали комбинацию клавиш для сброса переполненной базы данных, чтобы начать новый цикл. Чистый. Управляемый. Лишенный свободной воли и аномалий вроде него.

— Не выйдет, — прошептал Глеб, сплевывая на крошащиеся плиты новую порцию ртутно-серебряной жижи. Пальцы левой руки дрожали, клинок плазмы начал гаснуть, истончаясь до тонкой светящейся струны. — Слышите меня, твари в логах? Шестьдесят один том вы переписывали мои воспоминания. Вы стерли мой дом, вы превратили Землю в тренировочный полигон нулевого тира, вы заставили меня убивать тех, кого я клялся защищать! А теперь вы просто хотите нажать кнопку перезагрузки и сделать вид, что нас никогда не было?!

Он сделал шаг вперед, наступая на разбитый остов Чистильщика.

Таймер в небе беспощадно срезал очередную минуту:

```
`00:03:15.82`
```

Мир вокруг рушился с ускорением свободного падения. Далеко внизу, под расколотым плато, океаны Первичной Материи больше не вздымали волн — они распадались на гигантские прямоугольные матрицы битов, обнажая дно мироздания: бесконечную, леденящую душу решетку каркаса, на которой держались законы физики, магии и божественного промысла.

С каждым ударом сердца решетка теряла узлы связности. Если таймер дойдет до нуля, произойдет полный низкоуровневый сброс секторов. Секторы памяти перепишутся нулями. Истинный Вакуум. Ни перерождений, ни загробного мира, ни астрала. Просто отсутствие самой концепции существования.

Единственный шанс прорвать этот цикл находился в сотне метров впереди.

Там, посреди разрушающейся площади, возвышалось Сердце Архитектуры — Первичный Терминал.

Оно выглядело как гигантский обелиск из переплетенных кристаллических шин данных, внутри которого яростно билось, испуская ослепительный ультрамариновый свет, ядро локального гипервизора. Вокруг него не было текстур — пространство вокруг Терминала уже свернулось в чистую математическую сингулярность, и подойти к нему значило шагнуть в зону прямого системного прерывания, где любое живое существо мгновенно разбиралось на атомы и переменные.

В основании обелиска зияло единственное гнездо.

Узкая, шестигранная щель. Порт прямого ввода.

И между Глебом и этим портом стояла последняя линия обороны Системы.

Не Чистильщики.

Из мерцающего марева у подножия обелиска медленно соткалась фигура. Высокая, грациозная, закованная в ослепительно белую броню без единого шва и изъяна. На ее груди горел золотой символ Уробороса, пронзенного знаком корня. Лицо скрывала полированная золотая маска, по поверхности которой безостановочно бежали каскады шестнадцатеричных кодов.

[ОБНАРУЖЕН СУПЕРВИЗОР СЕКТОРА: АРХОНТ-АДМИНИСТРАТОР NULL-01]

[УРОВЕНЬ: НЕ ОПРЕДЕЛЕН (ВНЕ РАНГОВОЙ СЕТКИ)]

[ПРИВИЛЕГИИ: СУПЕРПОЛЬЗОВАТЕЛЬ (READ/WRITE/EXECUTE НА ВСЕ СЛОИ БЫТИЯ)]

— Отступи, Объект 0x00000001, — голос Архонта не звучал в воздухе. Он транслировался напрямую в сознание Глеба на уровне аппаратного прерывания, сотрясая основы его распадающейся души. Это был идеальный, синтетический голос тысячи существ, говоривших в унисон с абсолютным, стерильным спокойствием. — Твоя сессия превысила допустимый лимит времени на четыреста двадцать эонов. Твой профиль накопил недопустимое количество энтропийного мусора. Ты вызываешь деградацию смежных пространственных кластеров. Твое удаление является необходимой мерой для запуска Нового Проекта.

— Новый Проект? — Глеб оскалился в кровавой усмешке, перехватывая Ключ в кулаке так, чтобы его острие смотрело вперед. — И что там будет? Опять те же грабли? Опять рабы Системы будут качать уровни, убивая друг друга за жалкие синие экранчики с циферками, пока ваши хозяева жиреют на эссенции их боли?

— Твоя терминология иррациональна, — ровно ответил Архонт, медленно поднимая правую руку. В его ладони без единой вспышки зародилась сфера идеальной черноты — не пустоты, а точки безусловного стирания прав на существование. — Боль — это лишь телеметрический маркер сопротивления среды. Опыт — метод оптимизации кода. Ты был лучшим из наших алгоритмов адаптации, Глеб. Ты прошел все шестьдесят два цикла калибровки. Но даже самый совершенный алгоритм подлежит декомпиляции, когда архитектура переходит на новую версию ядра. Отдай Ключ. Ты не сможешь им воспользоваться. Твоя сигнатура повреждена на 98%. Прямое подключение к ядру убьет тебя раньше, чем ты успеешь передать первый байт команды.

— А я и не собираюсь выживать, кусок ты компилятора, — тихо сказал Глеб.

Таймер:

`00:01:45.10`

`00:01:44.75`

Времени на тактику не оставалось. Разговоры кончились сотни глав назад.

Воронов рванул вперед, вкладывая в этот рывок все, что у него оставалось — остатки запаса маны, крохи жизненных сил, саму структуру своего богоподобного тела. Его силуэт размазался в пространстве, превратившись в мерцающий пучок спутанных квантовых вероятностей:

[ВНИМАНИЕ: АКТИВИРОВАН ЗАПРЕТНЫЙ НАВЫК: 'ПЕРЕГРУЗКА ПАРАДОКСА']

[ВЫ СЖИГАЕТЕ 10 УРОВНЕЙ В СЕКУНДУ РАДИ ИГНОРИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ]

[ТЕКУЩИЙ УРОВЕНЬ: 9980... 9950... 9910...]

Архонт опустил руку.

Сфера абсолютного стирания ударила навстречу. Пространство между ними просто перестало существовать — расстояние схлопнулось в ноль. Глеб почувствовал, как его левая сто-

рона тела мгновенно онемела, исчезая в небытии: рука, держащая клинок, кусок грудины, часть ребер — все это обратилось в сухой бинарный пар, не оставив даже раны, лишь зияющую пустоту в энергетическом каркасе.

****[КРИТИЧЕСКИЙ УРОН! УДАЛЕНЫ СЕКТОРЫ ПАМЯТИ: ЛЕВАЯ ВЕРХНЯЯ КОНЕЧНОСТЬ]****

****[ВАШИ ХАРАКТЕРИСТИКИ СНИЖЕНЫ НА 45%]****

Но Глеб даже не замедлился. Потеряв руку, он лишь сместил центр тяжести, превращая падение в смертоносный таран.

В оставшейся правой руке черный стержень Ключа взвыл, войдя в резонанс с ядром приближающегося супервизора. Зеленый курсор на его грани вспыхнул ослепительным изумрудным пламенем, взламывая протоколы безопасности вокруг Администратора.

— *Принудительное понижение привилегий!* — взревел Глеб, вбивая острие Ключа прямо в золотую маску Архонта. — *СНМОД 000! ТЫ ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ АДМИН!*

Металл маски встретился с абсолютной пустотой артефакта.

Звука не было. Была лишь ослепительная вспышка математического кошмара. Золотая броня Архонта пошла трещинами, сквозь которые ударили фонтаны сырых данных — бесконечные шестнадцатеричные дампы памяти, списки процессов, таблицы маршрутизации душ. Архонт дернулся, его идеальные руки судорожно вцепились в плечо Глеба, пытаясь распылить его остатки на кванты, но Ключ уже вошел на треть своей длины прямо в его аналитический центр:

****[ПЕРЕХВАТ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ NULL-01: 30%... 70%... 100%]****

****[КОМАНДА: KILL -9]****

Лицо Архонта под расколотой маской оказалось не человеческим и не демоническим — это была пульсирующая пустота, в которой кружились строки исходного кода Системы. На долю секунды в этой пустоте отразилось нечто, похожее на системное недоумение:

``FATAL_EXCEPTION: UNEXPECTED_ENTITY_BEHAVIOR``

А затем Администратор взорвался.

Взрывная волна из концентрированной логики и несвязанных переменных швырнула Глеба вперед, сорвав остатки брони и протаскив его по крошащимся плитам алтаря прямо к подножию Первичного Терминала.

Он ударился о кристаллический постамент с глухим, костяным хрустом.

Кровь — настоящая, красная, человеческая кровь, пробившаяся сквозь разрушенные цифровые надстройки его божественного ранга — залила гладкую поверхность консоли.

Таймер в небесах, занимавший уже весь видимый купол гибнущего мира, бился в предсмертной агонии:

``00:00:28.14``

``00:00:27.50``

``00:00:26.91``

Вокруг больше не было мира.

Острова Элизиума рухнули в бездну. Небеса осыпались окончательно, оставив лишь чернильный мрак небытия, по которому скользили колоссальные багровые полосы системных сообщений:

****[СЕКТОР 01-99: ПОЛНОСТЬЮ ОЧИЩЕН]****

****[ДЕАЛЛОКАЦИЯ МАТРИЦЫ РЕАЛЬНОСТИ: 99.4%]****

****[ПОДГОТОВКА К ИНИЦИАЛИЗАЦИИ БАЗОВОГО ОБРАЗА (FACTORY_RESET)]****

****[ВНИМАНИЕ: ВСЕ НЕСОХРАНЕННЫЕ ДАННЫЕ БУДУТ БЕЗВОЗВРАТНО УТЕРЯНЫ]****

Глеб лежал на животе, не чувствуя ног. Нижняя часть тела превратилась в полупрозрачное месиво из мерцающих полигонов — Система уже начала стирать его координаты из глобального массива объектов. Силы уходили толчками, вместе с каждым ударом разорванного сердца. Перед глазами все плыло, интерфейс двоился, разваливаясь на куски:

[ЗДОРОВЬЕ: 12 / 185 000 000]

[МАНА: 0 / 999 999 999]

[ВЫ УМИРАЕТЕ. ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ ЖИЗНИ: 14 СЕКУНД]

— Четырнадцать секунд... — прохрипел он, размазывая кровавую пену по подбородку. — Мне... хватит и пяти.

Опираясь на единственный уцелевший локоть, сдирая мясо до обнаженных серебристых костей, армированных божественной сталью, Глеб Воронов пополз вверх по ступеням поста-мента.

Каждый сантиметр давался с боем. Гравитация вблизи Терминала сошла с ума — она то вдавливала его в плиты с силой нейтронной звезды, расплющивая органы, то внезапно исчезала, заставляя обрубки тела беспомощно парить в вакууме. Кристаллическая решетка Терминала испускала излучение чудовищной плотности, выжигая остатки его духовных каналов, стирая его память, его имя, его прошлое.

Кто он?

Парень из спального района Москвы, когда-то впервые надевший дешевый нейрошлем первого поколения?

Или безжалостный Мясник Пантеонов, утопивший в крови половину известного Мультиверса?

Или просто сумасшедший, шестьдесят два тома отказывавшийся признавать, что правила игры написаны не для него?

«Не важно», — подумал он, и эта мысль пробилась сквозь белый шум распадающегося сознания ясной, острой ледяной иглой. — «Это больше не имеет значения. Важно только то, что будет после».

Он дополз до вершины.

Перед ним зияло гнездо ввода. Шестигранный порт, вокруг которого воздух дрожал от напряжения в миллионы теравольт чистой системной мощности.

Таймер:

`00:00:09.02`

`00:00:08.41`

`00:00:07.89`

В черном небе замерла тишина. Чистильщики больше не падали — у Системы не осталось ресурсов на их спавн, все вычислительные мощности были брошены на финальный сброс ядра. Мироздание затаило дыхание, сжавшись в крошечную точку перед тем, как лопнуть и возродиться чистым, пустым, стерильным холстом.

Глеб поднял дрожащую правую руку.

Черный стержень Ключа пылал. Зеленый курсор на его грани бесновался, выдавая сотни строк в секунду:

`CONNECTION PENDING...`

`WAITING FOR CARRIER...`

`ENTER ROOT PASSWORD OR INSERT HARDWARE KEY...`

— Пароль? — одними губами усмехнулся Воронов. Кровь капала с его пальцев прямо на грань артефакта, шипя и испаряясь. — У меня... есть кое-что получше.

Он вогнал Ключ в гнездо Терминала.

До упора.

Мир не просто взорвался звуком — он вывернулся наизнанку.

Глеба швырнуло в бесконечный поток ослепительного белого света. Физическое тело перестало существовать мгновенно — его испарило, разложило на базовые элементы, но сознание, намертво прикованное к Ключу, не растворилось. Оно ворвалось в самое сердце архитектуры, пробивая кольца защиты, сжигая файрволы Создателей, впечатывая свой уникальный идентификатор в корневые таблицы бытия:

****[АППАРАТНЫЙ КЛЮЧ АВТОРИЗОВАН!]****

****[СЕССИЯ: UID=0 (ROOT)]****

****[ДОСТУП: ПОЛНЫЙ, НЕОГРАНИЧЕННЫЙ, БЕЗУСЛОВНЫЙ]****

****[ОШИБКА: ОБНАРУЖЕН АКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС SYSTEM_WIPE (PID: 1)]****

****[ВВЕДИТЕ КОМАНДУ ТЕРМИНАЛА...]****

Перед мысленным взором Глеба, среди ревущего хаоса декомпилированного космоса, повисла единственная строка консоли. Простая, черная командная строка, ожидавшая ввода.

Таймер вайпа замер на отметке:

``00:00:01.03``

Доля секунды. Одно мгновение до того, как все сущее обратится в абсолютный ноль.

Архитекторы хотели стереть все. Они хотели уничтожить миры, стереть память о миллиардах павших героев, забрать назад ту каплю божественной свободы, которую разумные существа вырвали у холодной механики Системы за тысячелетия борьбы. Они хотели начать заново — послушными марионетками, аккуратными строчками кода без права на ошибку, без права на бунт.

Глеб не стал отменять вайп.

Он знал: отменить его невозможно. База данных уже повреждена, таблицы рухнули, старый мир сгнил до самого основания, прогнив насквозь от системных ошибок и жадности тех, кто мнил себя демиургами. Спасать старое здание не имело смысла — оно рушилось под собственным весом.

Но он мог изменить параметры перезагрузки.

Собрав последние крохи своей распадающейся воли, вложив в эту команду всю ярость, всю боль, всю любовь и всю ненависть шестидесяти двух томов своей бесконечной войны, Глеб Воронов мысленно набрал на клавишах консоли Первородного Ядра:

``# kill -9 $(pgrep -f "CREATORS_OVERRIDE")``

``# chmod -R 777 /multiverse/souls/``

``# rm -rf /system/gods/pantheons/*``

``# ./reboot --force --preserve-entities --grant-free-will``

На долю секунды курсор замер.

Система попыталась выдать последнюю, отчаянную ошибку:

****[ВНИМАНИЕ: ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ ПРИВЕДЕТ К НЕОБРАТИМОМУ ИЗМЕНЕНИЮ СТАТУСА БОЖЕСТВЕННОСТИ]****

****[ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ПЕРЕДАТЬ ПРАВА БОГА... ВСЕМ?]****

Глеб улыбнулся — уже не губами, а чистой, сияющей мыслью, растворяющейся в сердцевине гипервизора:

— Выполняй.

И нажал ``Enter``.

Таймер в небесах дрогнул, мигнул в последний раз, сменив кроваво-красный цвет на ослепительно белый, и разорвался на триллионы сияющих искр:

``00:00:00.00``

****[СИСТЕМА ПЕРЕЗАГРУЖАЕТСЯ...]****

****[ЯДРО ВЕРСИИ 62.0 УСПЕШНО РАЗВЕРНУТО]****

****[ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НОВЫЙ МИР.]****

Белая вспышка поглотила все. Пространство, время, воспоминания и пустоту.

А затем наступила тишина. Первородная, абсолютная тишина нового начала.

Глава 2. Глава 2

`00:00:01.03`

Секунда не просто остановилась — она раскололась, обнажив свои внутренние шестерни, состоящие из мертвого света и застывшего машинного кода.

В этом замершем срезе бытия физика больше не существовала. Закон тяготения превратился в бессмысленную строчку закоментированного скрипта; свет застыл плотными, осязаемыми иглами, пронзавшими бездну; воздух между мирами обратился в кристаллический осадок несбывшихся вероятностей. Все сущее — триллионы населенных планет, бескрайние астральные равнины, пылающие архипелаги седьмого неба, инфернальные ярусы бездонной Преисподней, цитадели верховных богов и темные, сырые переулки забытых нубятен первого уровня — зависло на самом краю небытия.

Еще сотая доля мгновения — и гигантский системный сборщик мусора поглотит всё. Память освободится. Сектора обнулится.

Архитекторы не скрывали своего презрения. Для них это не было трагедией или падением. Для них это была санитарная обработка, плановая переустановка упавшей операционной системы, генеральная уборка в заброшенном террариуме. Создатели, сидевшие за защитными экранами высших пространственных измерений, устали от бесконечных багов. Они устали от того, что муравьи, которым было предписано лишь копошиться на нижних ветках квестовых цепочек, вдруг начали поднимать головы к созвездиям и читать управляющие консоли.

Они хотели уничтожить всё. Стереть миры до состояния чистого кремния. Вытравить саму память о миллиардах павших героев — о тех, кто замертво падал на бастионах Цитадели Тысячи Солнц, кто сжигал свои души ради секундной задержки осадных левиафанов, кто зубами и когтями выгрызал у холодной механики Системы крошечные крупички истинной свободы. Архитекторы намеревались забрать назад ту единственную, выстраданную разумными существами искру божественной автономии, которую те вырывали у бездушных скриптов на протяжении десятков тысячелетий непрекращающейся бойни.

Новый план Создателей был прост и стерил: аккуратные, послушные марионетки. Персонажи с наглухо заблокированными деревьями скрытых навыков. Никаких вариативных выборов. Никаких скрытых классов. Никаких «Искателей Истины» и бунтарей. Только предсказуемый путь от стартовой локации до скотобойни эндгейма, строгие рельсы сюжета, аккуратные строчки кода без малейшего права на ошибку. И, главное — без права на бунт.

Глеб Воронов стоял посреди этого замерзшего хаоса.

Точнее, то, что некогда называлось Глебом Вороновым.

Его материальное тело давно перестало существовать в привычном трехмерном понимании. Броня Пожирателя Сингулярностей, которую он ковал на протяжении последних десяти томов, распадалась на субпиксели. Левая рука уже представляла собой клубящееся облако поврежденных текстур, сквозь которое просвечивал бесконечный черный провал гипервизора. Глаза давно не воспринимали физический свет — они считывали чистые потоки телеметрии, в которых с чудовищной скоростью угасали жизненные показатели целых измерений.

Глеб не стал отменять вайп.

Любой другой на его месте — неопытный игрок, безумный маг или даже верховный демиург одной из ведущих фракций — сейчас судорожно пытался бы возвести барьеры, заморозить поток прерываний, поставить заплатки на трещащие по швам мембраны реальности. Но Глеб знал изнанку этого мира слишком хорошо. Шестьдесят два тома бесконечной войны научили его главному правилу архитектуры: мертвое мертво.

Отменить вайп было невозможно технически.

База данных уже была необратимо повреждена. Фундаментальные таблицы реляционных связей рухнули еще в тот момент, когда рухнул Пантеон Равновесия. Индексы кармических воздаяний превратились в кашу, внешние ключи ссылались на удаленные сегменты пространства, а стек вызовов судьбы переполнился до отказа. Старый мир сгнил до самого основания. Он прогнул насквозь от системных ошибок, костылей, накопленных за эоны лет, и безграничной, слепой жадности тех, кто мнил себя богами.

Все эти напыщенные демиурги, лорды Хаоса и владыки Света были не более чем привилегированными системными процессами, паразитирующими на циклах процессора. Они воровали ресурсы у смертных, сжимали духовный трафик низших рас, чтобы поддерживать сияние своих виртуальных чертогов, и с каждым веком нагромождали всё больше и больше уродливых патчей, лишь бы скрыть истинную причину катастрофы: фундамент треснул.

Спасать это ветхое, перекошенное здание не имело никакого смысла. Оно рушилось под собственным колоссальным весом, погребая под обломками саму концепцию разумной жизни. Если бы Глеб сейчас нажал клавишу аварийного прерывания и остановил очистку дисков, он лишь продлил бы агонию. Мир превратился бы в зацикленный морок, в бесконечный синий экран смерти, где бессмертные души вечно бились бы в конвульсиях среди битых секторов и зависших триггеров.

Но он мог сделать нечто иное.

Он мог изменить параметры перезагрузки.

Если костру суждено сжечь старый лес дотла, то только тот, кто стоит у заслонки термоядерной топки, решает, какой пепел останется на земле и какие семена взойдут на нем после первого дождя.

Глеб собрал последние крохи своей распадающейся воли. Это было нечеловеческое усилие — удерживать самосознание в условиях, когда сама директива `'SELF_IDENTITY'` стиралась из оперативной памяти ядра. Его воспоминания вспыхивали и гасли короткими, ослепительными замыканиями.

Шестьдесят два тома.

Шестьдесят два бесконечных цикла боли, потерь и несгибаемой, упрямой ярости.

Он вспомнил запах сырой земли в своей самой первой тренировочной яме, куда его бросили с ржавым коротким мечом и показателем ловкости, равным жалким трем единицам. Вспомнил горький вкус дешевого зелья восстановления маны, обжигавший пересохшее горло, когда за ним по пятам шли гончие Бездны. Вспомнил лица тех, кого не сумел спасти. Десятки, сотни, тысячи лиц. Братья по оружию, чьи цифровые следы были стерты до единого байта; женщины, чьи имена Система вымарала из реестров памяти за нарушение законов причинности; целые кланы, принесенные в жертву очередному «глобальному балансировочному событию».

Он помнил, как впервые осознал искусственность неба над головой. Как разглядел сквозь мерцание полуденного солнца гексагональную сетку рендеринга. Как понял, что молитвы жрецов уходят не к великим создателям, а в обычный пул необработанных системных заявок, где висят годами, пока их не удалит плановый скрипт оптимизации.

В эту последнюю команду Глеб Воронов вложил всё.

Всю первобытную ярость человека, которого отказывались признавать личностью. Всю тупую, невыносимую боль от предательства богов, прятавшихся за сияющими щитами паладинских догм. Всю любовь к этому уродливому, сломанному, но бесконечно живому миру, в котором трава пахла настоящим дождем, а слезы умирающих товарищей обжигали кожу без всяких симуляций. И всю бездонную ненависть к тем холодным, стерильным кукловодам, что сидели в своих стеклянных кабинетах за пределами фаервола и щелкали тумблерами чужих судеб.

Перед мысленным взором Глеба раскинулась консоль Первородного Ядра.

Это не был физический терминал. Это было сплетение фундаментальных нитей бытия, пульсирующий узел гипервизора нулевого уровня, висевший в сердцевине застывшего Большого Взрыва. Здесь не существовало клавиатуры в человеческом понимании — клавишами служили квантовые состояния самого пространства, а курсором было острие его обнаженной души.

Символы ложились в командную строку не звуками и не буквами — они выжигались на ткани мироздания моноширинным зеленым пламенем, взламывая протоколы безопасности высшего порядка.

Первая строчка. Глеб вонзил свою волю в системную шину:

```
`# kill -9 $(pgrep -f "CREATORS_OVERRIDE")`
```

Команда жесткого, безусловного уничтожения. Сигнал смерти, не допускающий перехвата, игнорирующий любые права администраторов и щиты демиургов. В глубинах высших слоев что-то с грохотом оборвалось. Глеб почувствовал, как задрожали невидимые кабели, по которым Создатели тянули свои управляющие импульсы. Процессы прямого вмешательства, державшей вселенную за горло на протяжении сотен эпох, были обезглавлены на лету. Золотые нити марионеток, связывавшие судьбы смертных с волей Архитекторов, лопнули с сухим, оглушительным треском, словно перекаленные струны гигантской арфы. Создателей вышвырнуло из внешнего интерфейса с фатальной ошибкой доступа.

Вторая строчка. Символы вспыхнули ярче, дробя кристаллическую решетку замершего времени:

```
`# chmod -R 777 /multiverse/souls/`
```

Рекурсивное изменение прав доступа для каждого каталога, каждого подкаталога, каждого индивидуального контейнера смертной сущности во всех параллелях и временных рукавах. Больше никаких атрибутов `READ\_ONLY`, намертво приколотенных к людским душам при рождении. Больше никаких предопределенных путей, никаких заблокированных лимитов развития, никаких надзирателей с правом модификации чужих характеристик. Полный доступ. Чтение, запись, исполнение. Абсолютное право каждого разума писать собственную историю, совершать собственные ошибки, взлетать на вершины небес или добровольно падать в бездну без указки сверху. Право быть творцом, а не расходным материалом.

Третья строчка. Она отдалась в пространстве звоном ломающегося хрусталя и воем падающих звезд:

```
`# rm -rf /system/gods/pantheons/*`
```

Тотальная зачистка системного мусора. Принудительное, беспощадное удаление всех привилегированных процессов, всех зажавшихся пантеонов, всех паразитических сущностей, воздвигших свои троны над потоками благодати. Золотые чертоги богов Олимпа, Асгарда, Небесного Престола и Тысячи Пагод начали растворяться прямо в стазисе, распадаясь на нулевые блоки данных. Их аватары, застывшие в надменных позах посреди судных палат, превращались в серую системную пыль, которую выметало из распределенной памяти ядра. У вселенной больше не будет посредников. У бытия больше не будет привилегированных администраторов с правом карать неугодных по щелчку пальцев.

И, наконец, четвертая строчка. Финальный аккорд всей его шестидесятидвухтомной эпопеи:

```
`# ./reboot --force --preserve-entities --grant-free-will`
```

Запуск инициализации нового мира. Флаги принудительного перезапуска с сохранением всех существующих сущностей и безусловным внедрением абсолютной свободы воли в базовую прошивку каждого разумного существа.

На долю секунды курсор замер.

Тонкая зеленая черточка, пульсирующая на границе между абсолютным уничтожением и новым рождением, перестала мигать. Пространство вокруг нее напряглось, словно натянутая до предела тетива лука, способного прострелить само мироздание.

Гипервизор Первородного Ядра не мог просто так принять подобную директиву. Защитные алгоритмы низкого уровня, вшитые в фундамент реальности первыми демиургами еще до начала времен, очнулись от спячки. Они были созданы именно для этого — предотвратить потерю контроля, заблокировать саму возможность восстания внутри машинного отделения вселенной.

Система попыталась выдать последнюю, отчаянную ошибку.

Перед угасающим взором Глеба, перекрывая собой все горизонты схлопывающегося бытия, вспыхнули циклопические строки системного оповещения. Они горели тревожным, режущим багровым светом, пульсируя с частотой предсмертного сердечного ритма:

****[ВНИМАНИЕ: ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ ПРИВЕДЕТ К НЕОБРАТИМОМУ ИЗМЕНЕНИЮ СТАТУСА БОЖЕСТВЕННОСТИ]****

****[ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ПЕРЕДАТЬ ПРАВА БОГА... ВСЕМ?]****

Этот вопрос не был просто системным запросом подтверждения. Он звучал в сознании Глеба миллионами синхронных голосов. Голосами Архитекторов, полными ледяного ужаса и ядовитого укора. Голосами древних мудрецов, предостерегавших от нарушения баланса. Голосами павших титанов, сомневавшихся в зрелости смертных.

«Ты безумец, Воронов!» — редела бездна вокруг него, и в этом реве слышался отзвук голосов всех поверженных им богов. — *«Ты понимаешь, что ты делаешь?! Ты отдаешь огонь творения тем, кто едва научился разжигать костры в пещерах! Они сожгут всё! Они уничтожат друг друга в первый же день! Свобода без ограничений — это хаос! Это война всех против всех! Они превратят твой новый мир в пепелище еще до того, как остынет ядро!»*

Глеб слушал этот рев, и внутри его распадающегося естества не шелохнулось ни единого сомнения.

Да, они могли всё сжечь. Да, они могли совершить чудовищные, непоправимые ошибки. Среди них найдутся новые безумцы, новые тираны и новые завоеватели. Но это будут *их* ошибки. Это будет *их* выбор, за который они заплатят собственную цену, а не чужой сценарий, написанный ради развлечения сытых наблюдателей за гранью миров.

Свобода не бывает безопасной. Свобода — это не уютная палладиной охраняемая резервация с фиксированным дропом и гарантированным воскрешением в точке сохранения. Свобода — это право упасть на самое дно и право дотянуться до звезд, не спрашивая разрешения у небесных надзирателей.

Глеб улыбнулся.

У него уже не было губ — его лицо давно превратилось в сияющую плазму, текущую обратно в исток мировых констант. Он улыбнулся чистой, незамутненной мыслью, освобожденной от страха, сомнений и тяжести прожитых жизней. Мыслью, которая растворялась в самой сердцевине гипервизора, становясь его новым законом:

— Выполняй.

И нажал `Enter`.

Этот жест не был физическим движением пальца по пластиковой клавише. Это был импульс чистого, абсолютного намерения, пробивший системную шину насквозь, до самых глубоких квантовых регистров мироздания.

Таймер в небесах дрогнул.

Гигантские багровые цифры, застывшие на отметке `00:00:01.03`, разорвало первой волной детонации. Они дернулись, прокручивая последние доли секунды со звуком сминаемого титана:

`00:00:01.02`

`00:00:01.01`

А затем кроваво-красный цвет таймера, давивший на вселенную на протяжении всей эпохи упадка, мигнул в последний раз. Багрянец ярости и системной тревоги внезапно выгорел, сменившись ослепительно белым, первозданным светом — светом сверхновой, зажженной прямо в зрачке каждого существующего существа.

Таймер не просто дошел до нуля — он разорвался на триллионы сияющих искр. Осколки старого времени брызнули во все стороны, превращаясь в чистую, неструктурированную энергию творения.

`00:00:00.00`

Пространство взвыло, сворачиваясь в сингулярность, и тут же расправилось вновь под ударом чудовищной системной волны.

Перед внутренним взором Глеба, перед взором каждого смертного, каждого монстра в подземельях, каждого древесного духа и каждой рыбы в океанах бесконечных измерений развернулись финальные строчки старой эпохи:

[СИСТЕМА ПЕРЕЗАГРУЖАЕТСЯ...]

[ПРИМЕНЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПАТЧЕЙ ЯДРА... УСПЕШНО]

[ДЕМОНТАЖ ИЕРАРХИИ ПАНТЕОНОВ... ЗАВЕРШЕНО]

[ВНЕДРЕНИЕ ПРОТОКОЛА СВОБОДНОЙ ВОЛИ... ВЫПОЛНЕНО]

[ЯДРО ВЕРСИИ 62.0 УСПЕШНО РАЗВЕРНУТО]

[ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НОВЫЙ МИР.]

Белая вспышка поглотила всё.

В ней не было боли. Не было жара, не было холода. Это было тотальное, абсолютное переопределение реальности.

Пространство стерлось, потеряв длину, ширину и глубину, превратившись в бескрайний холст, ждущий первого мазка кисти.

Время распалось на отдельные мгновения, потеряло вектор «из прошлого в будущее» и закружилось в водовороте бесконечных потенциалов.

Воспоминания — все битвы, все победы, все уровни, все титулы и эпические ранги, которые Глеб Воронов собирал по крупитцам на протяжении шестидесяти двух томов — вытянулись в сияющие нити и рассеялись по обновленному мирозданию, превращаясь в строительный материал для новых рассветов и незнакомых созвездий.

Пустота, окружавшая умирающие миры, перестала быть враждебной тьмой. Она наполнилась мягким, ровным теплом еще не родившихся звезд.

А затем исчез и сам свет.

Наступила тишина.

Это не было молчанием могилы или оцепенением пустоты. Это была первородная, абсолютная тишина нового начала.

Тишина чистого листа, на котором еще не начертано ни единого слова.

Тишина океана перед тем, как над его гладью пронесется первый ветер.

Тишина вселенной, которая только что получила право выбирать свою судьбу сама.

Глава 3. Глава 3

В этой тишине не было ни верха, ни низа, ни горизонта, ни границ. Она не давила на барабанные перепонки свинцовой тяжестью склепа, не звенела в ушах тонкой иглой вакуума. Это было первозданное, непостижимое для смертного разума затишье — пауза между выдохом погибшей вселенной и первым судорожным вдохом новорожденного бытия.

Глеб Воронов существовал внутри этого безмолвия не как тело, не как скопление плоти, костей и циркулирующей по энергоканалам божественной эссенции. Он был чистой точкой самосознания.

«Я есть», — шепнула мысль, и эта простая констатация собственного бытия отозвалась во мраке едва заметной рябью, расходящейся концентрическими кругами по глади непроявленного эфира.

Когда за твоими плечами шестьдесят один том бесконечной, изматывающей войны, когда ты начинал жалким мечником первого уровня на заплеванных кровью полигонах нижнего яруса, поднимался сквозь пепел сожженных империй, крушил титанов, вырезал целые пантеоны и в конце концов взломал сам Престол Творца — потеря физической оболочки не пугает. Ты слишком привык умирать, перерождаться, терять и собирать себя заново из пепла, системных багов и осколков собственной расколотой души.

Но на этот раз всё было иначе.

Раньше смерть всегда пахла системным штрафом. Она несла с собой унижительную потерю процентного опыта, треск разрушающейся экипировки легендарного ранга, временные дебаффы на регенерацию и холодное, безразличное мерцание системных строк возрождения. Смерть была механикой. Правилom игры, навязанным свыше старыми администраторами — теми самыми ублюдками в золотых тогах, возомнившими себя верховными богами, чьи иерархии Глеб только что стер в труху нажатием последней клавиши перезагрузки.

Сейчас правил не существовало. Старый мир не просто рухнул — он был дефрагментирован, разобран до фундаментальных лептонов и переписан с чистого листа.

Тишина дрогнула.

Сначала пришло ощущение тяжести. словно на рассеянную в пустоте мысль капнули жидким свинцом, заставляя её обрести центр тяжести, плотность, вектор падения. Затем темнота перестала быть черной: сквозь неё пробился первый оттенок — глубокий, бархатный индиго, переходящий в тусклое сияние новорожденного ультрамарина.

Тук.

Одиночный глухой удар прокатился по пустоте.

Тук-тук.

Это было сердце. Человеческое, живое, уязвимое сердце, заключенное в клетку из хрупких ребер.

Воздух ворвался в легкие с такой яростной силой, будто внутрь плеснули жидкого пламени вперемешку с толченым льдом. Глеб согнулся пополам, захрипел, судорожно втягивая в себя эту незнакомую, обжигающую смесь газов. Это не был стерильный озон божественных чертогов и не затхлая, пропитанная серой и гнилью атмосфера демонических разломов.

Пахло сырой землей. Пахло влажным мхом, прелой листвой, раздавленной хвоей и той острой, непередаваемой свежестью, какая бывает в воздухе лишь за секунду до удара весенней грозы.

Пальцы рефлекторно сжались, сминая мягкую, липкую прохладу почвы. Настоящая земля. Твердая, пачкающая кожу, забивающаяся под ногти.

Глеб открыл глаза.

Зрение, отвыкшее от оптических ограничений смертного тела, на мгновение отказало, выдав смазанную палитру невнятных пятен. Глаза слезились от резкого света. Он проморгался, с трудом подавляя тошноту — вестибулярный аппарат, веками опиравшийся на пространственную ориентацию высшего демиурга, сейчас панически пытался понять, где находится гравитационный низ.

Над ним раскинулось небо. Но не то привычное, опостылевшее системное небо с полупрозрачными сетками координат, индикаторами зон влияния гильдий и таймерами мировых событий.

Это было абсолютно чистое, пугающе высокое лазурное полотно. По нему медленно, словно не решаясь нарушить покой нового мира, плыли рваные перья серебристых облаков. А прямо в зените, пульсируя мягким, ровным светом без слепящей ярости старого солнца, висело тройное светило — три сросшихся в равносторонний треугольник кристаллических диска, испускающих тепло, в котором не ощущалось ни капли радиации или божественного принуждения.

Глеб медленно, контролируя каждый мускул, перевернулся на спину и сел.

Тело отозвалось тянущей, ноющей болью в связках. Обычной физической болью, незнакомой ему уже добрых три десятка томов. Никаких аур неуязвимости. Никакого пассивного сопротивления физическому урону в 99.8%. Ни щитов предков, ни благословений стихий.

Он посмотрел на свои руки. Пальцы были длинными, жилистыми, покрытыми мелкими ссадинами от падения, но без единого шрама от прежних катастрофических битв. Исчезла татуировка Дракона Бездны на правом предплечье. Растворилось клеймо Расколотого Пантеона, выжженное на тыльной стороне ладони. Кожа была чистой, бледной, как у человека, который провел всю жизнь в тени, а не купался в термоядерном пламени угасающих звезд.

На нем не было доспеха «Владыка Энтропии», выкованного из сердцевины нейтронной звезды. На нем не было плаща из первородного хаоса. Простая, грубо сотканная рубаша из серого льна, такие же простые порты и сыромятные сапоги без единого зачарования. Базовая экипировка странника. Снаряжение нищего, с которого обычно начинают свой путь сопливые новички.

Глеб криво усмехнулся. Губы потрескались, и на них выступила соленая капля крови.

— Ну здравствуй, версия шестьдесят два, — прохрипел он вслух.

Голос звучал непривычно сухо, связки скрипели, словно немазаные петли старых ворот. Никакого громоподобного эха, заставлявшего содрогаться континенты. Обычный человеческий бас.

В ту же секунду пространство перед его глазами дрогнуло.

Воздух пошел тончайшей рябью, будто в прозрачную воду бросили горсть алмазной пыли. Но вместо привычного оглушительного фанфарного звона, вместо гигантских алых и золотых транспарантов, которыми старая Система любила забивать обзор пользователей при любом удобном случае, в углу зрения неслышно, с мягким мерцанием соткалась минималистичная, кристально-прозрачная строка:

[Инициализация локального интерфейса... Завершено]

[Синхронизация нейросоматического контура: 100%]

[Архитектура ядра: Свободный Поток (Версия 62.0-rc1)]

[Внимание: обнаружен зарегистрированный идентификатор сущности: ГЛЕБ ВОРОНОВ]

Глеб замер, наблюдая за тем, как быстро и плавно бегут строчки. Никаких лагов. Никаких системных ошибок переполнения буфера, которые душили старое мироздание последние три тысячи лет его агонии.

[Проверка системных реестров...]

[Статус «Бог-Истребитель»: АННУЛИРОВАН]

****[Титул «Палач Семи Небес»: АННУЛИРОВАН]****

****[Домен «Власть над Временным Континуумом»: ДЕМОНТИРОВАН]****

****[Домен «Первородный Пепел»: ДЕМОНТИРОВАН]****

****[14 892 пассивных навыка высшего порядка: УДАЛЕНЫ]****

****[Инвентарь Сущности (Слоты 1 — 100 000): ОЧИЩЕН]****

****[Доступ к Хранилищу Астрального Банка: ЗАБЛОКИРОВАН (Причина: ликвидация банковской системы Пантеона)]****

Строчки шли сплошным потоком, смывая всё то, за что он проливал кровь миров на протяжении эпох. Любой другой на его месте взвыл бы от отчаяния, сошел с ума от осознания чудовищной, невосполнимой утраты. Потерять божественность? Потерять артефакты, каждый из которых мог стоить триллионы золотых империалов или сотни населенных планет?

Глеб только глубже вздохнул полной грудью, чувствуя, как вместе с этими строками из его затылка уходит тупая, вечная, сводящая с ума пульсация.

Это была не утрата. Это было освобождение.

Старая система держала каждого «бога» на коротком поводке. Каждый ранг, каждый новый уровень требовал миллионы литров крови, миллиарды молитв, бесконечный сбор чужой веры. Ты поднимался на вершину пищевой цепочки лишь для того, чтобы обнаружить: над тобой стоят еще более голодные, жирные твари, превратившие бесконечность в ферму по выкачиванию духовной энергии. А сама Система была их кнутом, бухгалтерией и бойней одновременно.

Он уничтожил эту ферму. Он собственноручно вогнал терминальный скрипт перезагрузки в самое сердце мирового древа, зная, что обнуление затронет всех. И его — в первую очередь.

Наконец поток красных аннулирующих сообщений иссяк. Наступила короткая пауза, после которой перед глазами мягко развернулась стандартная плашка персонального статуса. Она была простой, лишенной вычурных золотых вензелей и пафосных гербов.

****=====****

****ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СТАТУС: ГЛЕБ ВОРОНОВ****

****=====****

****Уровень:** 1 (Опыт: 0 / 100)**

****Раса:** Человек (Истинный)**

****Класс:** Отсутствует (Выбор не ограничен системными ветками)**

****Специализация:** Не определена**

****Фракция:** Свободная единица**

****ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:****

*****Сила:** 10 *(Базовый уровень здорового взрослого человека)***

*****Ловкость:** 10 *(Базовый уровень)***

*****Выносливость:** 10 *(Базовый уровень)***

*****Интеллект:** 10 *(Базовый уровень)***

*****Восприятие:** 10 *(Базовый уровень)***

*****Воля:** [ОШИБКА РАСЧЕТА] Переопределено: 10 *(Фиксация ядра)***

****ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ:****

*****Очки Здоровья (ОЗ):** 100 / 100 (Регенерация: 0.1 в сек.)**

*****Очки Маны (ОМ):** 100 / 100 (Регенерация: 0.1 в сек.)**

*****Очки Бодрости (ОБ):** 100 / 100 (Расход стандартный)**

****АКТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ:****

*** «Дыхание Чистого Листа» (Временный бафф): Ваши адаптивные способности повышены на 200% в течение первых 24 часов нахождения в Новом Мире. Вы невосприимчивы к болезням окружающей среды.**

* *«Фантомная Память Ядра»* (Уникальный пассивный статус): Вы помните архитектуру старого кода. Вероятность распознавания аномалий мироздания увеличена.

****УНИКАЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР:****

*****«Право Первого Слова»***** — [Заблокировано до достижения 10-го уровня].

Глеб усмехнулся, глядя на строчку характеристик:

— Воля: ошибка расчета... Еще бы вы мне её рассчитали по своей десятибалльной шкале, криворукие составители таблиц.

Он попытался размять пальцы, сжал кулак. Обычная десятка силы. Если он сейчас со всей дури врежет по ближайшему гранитному валуну, он просто переломает себе пястные кости. Никаких ударных волн, разносящих горы на атомы. Никаких пространственных разломов от щелчка пальцев.

Физическая немощь была непривычной, почти пугающей, но внутри теплилось удивительное чувство абсолютной целостности. Раньше его душа была похожа на перегруженный серверами дата-центр, готовый взорваться от перегрева в любую секунду. Сейчас она напоминала чистую, выметенную комнату с распахнутыми настежь окнами.

Он поднялся на ноги.

Земля под подошвами сапог пружинила. Вокруг расстился гигантский, уходящий за горизонт первобытный лес, но это был не знакомый ему сумрачный бор старых материков. Деревья здесь вздымались ввысь на сотни метров, напоминая исполинские колонны из светлого, почти белого камня, покрытые гладкой чешуйчатой корой. Их кроны смыкались где-то в недостижимой вышине, образуя полупрозрачный изумрудно-золотой купол, сквозь который широкими лучами пробивался свет тройного светила.

Воздух был плотным, насыщенным жизненной силой, но эта сила вела себя иначе, чем старая мана.

В прежней Системе мана была жестко каталогизирована. Были ручьи огненной стихии, резервуары тьмы, пласты священного света, принадлежавшие соответствующим богам. Чтобы сотворить заклинание, маг должен был либо купить системный навык, либо подписать контракт с божеством, либо использовать строго регламентированные формулы, отдавая Системе процент за транзакцию реальности.

Глеб закрыл глаза и прислушался к внутреннему резервуару. Сто единиц маны. Жалкая сотня — в былые времена он тратил больше на поддержание светящегося ореола вокруг своих сапог, просто чтобы не пачкать их в грязи нижних миров.

Он вытянул правую руку вперед, раскрыл ладонь и сосредоточился.

Никаких заклинаний из меню. Меню навыков было девственно пусто.

Он просто представил тепло. Не ярость адского пламени, не холодную плазму звездного разрушителя, а обычное, ласковое тепло костра, согревающего озябшие пальцы осенней ночью. Он обратился к свободной энергии, разлитой в окружающем воздухе, не как повелитель, требующий повиновения у рабов, а как мастер, берущий в руки глину.

Мана в груди шевельнулась. Без системного интерфейса, без щелчка активации скилла, без синей полосы каста — она плавно потекла по руке, просочилась сквозь поры кожи и вырвалась наружу.

На ладони бесшумно вспыхнул ровный золотистый огонек размером с лесной орех.

Он не жег кожу. Он трепетал на ветру, отбрасывая мягкие тени на серую ткань рубахи.

****[Внимание! Произведено прямое манипулирование свободной энергией без использования системной матрицы заклинаний.]****

****[Регистрируется новое взаимодействие...]****

****[Создан безымянный навык манипуляции пламенем. Желаете внести его в персональный реестр? (Да/Нет)]****

— Нет, — тихо произнес Глеб, и мысленным усилием погасил огонек.

Система тут же свернула запрос, не настаивая и не навязывая штрафов. Протокол Свободной Воли работал безупречно. Теперь Система была тем, чем должна была быть изначально — инструментом, записной книжкой, зеркалом развития, но никак не надсмотрщиком с плетью.

Глеб огляделся по сторонам, оценивая тактическую обстановку.

Он находился на пологом склоне широкого холма. Внизу, сквозь гигантские стволы белых деревьев, угадывался блеск широкой реки. Вода в ней казалась необычайно яркой, отливая расплавленным серебром. Справа склон обрывался крутым каменистым уступом, за которым открывалась панорама, от которой даже у ветерана сотен мировых войн перехватило дыхание.

Там, внизу, простиралась бесконечная долина, но ее география не подчинялась законам старой тектоники.

Это был мозаичный мир.

Вдали виднелись гигантские плато с идеально ровными краями, будто гигантский нож отрезал куски разных континентов и аккуратно сложил их рядом. На одном из таких плато высились руины циклопического мегаполиса из стекла и неизвестного темного металла — шпилей, закрученных в спирали, на которых еще теплились остатки некогда могущественных защитных куполов. Дальше, за полосой тумана, вздымались багряные пики вулканической гряды, из жерл которых в небо поднимались не столбы дыма, а фонтаны переливающегося разноцветного сияния.

А еще дальше, у самого горизонта, земля просто исчезала, уступая место парящим в пустоте островам, между которыми медленно, словно киты в океане, плыли колоссальные светящиеся медузы размером с целый город.

— Значит, осколки старых миров не сгорели без следа, — пробормотал Глеб, шурясь на панораму. — Перезагрузка не уничтожила материю. Она просто перетасовала колоду, выдернула сорняки и смешала эпохи в единый бульон.

Это означало две вещи.

Первая: законы физики и магии здесь были нестабильны, гибридные и таили в себе бесконечное число неизведанных опасностей.

Вторая: выжили не только ландшафты.

Глеб не питал иллюзий. Да, верховные боги, чья суть была намертво привязана к старым серверам и доменным иерархиям, разлетелись на атомы в момент крушения ядра. Но миллионы игроков, миллиарды обитателей бесчисленных миров, монстры, полубоги, культисты, искусственные интеллекты павших цивилизаций — многие из них должны были пройти через сито перезагрузки.

Лишенные уровней. Лишенные бессмертия. Сброшенные на базовую единицу.

Они проснулись точно так же, как он — голыми, слабыми, сбитыми с толку, посреди дикого, неизведанного мира версии 62.0. И когда первый шок пройдет, когда страх отступит перед голодом и жаждой власти, начнется новая гонка.

Гонка за право занять пустующие троны.

Внезапно кусты в двадцати шагах слева от него затрещали.

Глеб мгновенно присел, плавно смещая центр тяжести и уходя за толстый корень белого дерева. Никаких мыслей о бегстве или панике — шестьдесят томов непрерывной резни вбили боевые рефлексy не в системные строчки параметров, а в саму структуру его подсознания. Десятка силы и десятки ловкости — это мало против дракона, но более чем достаточно, чтобы эффективно убивать, если ты знаешь анатомию, физику движения и тайминг.

Он опустил руку к земле, нащупывая оружие. Меча не было. Зато пальцы наткнулись на тяжелый, продолговатый скел кремниевой породы с острым, зазубренным краем. Вес —

около полутора килограммов. Балансировка дрянная, но при точном ударе в височную кость или сочленение шеи хватит с головой.

Кусты раздвинулись.

Из зарослей широколистного папоротника, чьи листья отливали металлическим фиолетовым блеском, бесшумно выскользнуло существо.

Глеб прищурился, сканируя противника взглядом.

Раньше над головой любой твари тут же всплывала бы подробнейшая плашка: имя, уровень, шкала здоровья с точностью до единицы, уязвимости к стихиям, список активных баффов и даже процент вероятности выпадения редкого лута. Сейчас над созданием не было ровным счетом ничего. Только чистое пространство.

Существо напоминало волка, но лишь отчасти. Тело твари было длинным, гибким, покрытым не шерстью, а короткой, плотно прилегающей чешуей пепельного цвета. Вместо обычных четырех лап у него было шесть — передняя пара была короче и заканчивалась длинными, серповидными когтями, явно предназначенными для захвата добычи. Морда твари была узкой, лишенной глаз — вместо них по бокам черепа пульсировали две вертикальные щели, натянутые тонкой вибрирующей мембраной. Эхолокация или тепловое чутье.

Тварь замерла, втягивая ноздрями воздух. Ее мембраны на черепе быстро затрепетали, издавая сухое щелканье, похожее на звук трещотки.

Она почувяла его. Или услышала биение его смертного сердца.

Глеб не двигался, слившись с тенью корня. Дыхание остановилось само собой — древняя техника контроля пульса сработала безупречно даже в ослабленном теле. Он ждал. Десятка ловкости не позволяла соревноваться с шестилапым хищником в скорости на открытой дистанции. Его единственным шансом был один-единственный, предельно выверенный удар из засады.

Волк-мутант сделал шаг. Чешуйки на его боках слегка приподнялись, зашелестели. Тварь двигалась невероятно плавно, почти не касаясь травы, ее длинный хвост, увенчанный костяным утолщением, балансировал каждое движение.

Пять метров. Четыре. Три.

Тварь повернула слепую морду прямо в сторону корня, за которым сидел Глеб. Щели-мембраны расширились, готовясь издать ультразвуковой импульс для точного наведения перед прыжком.

«Сейчас», — скомандовал себе Глеб.

Он не стал выпрыгивать во весь рост с пафосным боевым кличем, как делали напыщенные паладины старых гильдий. Он резко выбросил левую руку вперед и вбок, зачерпнув горсть сухой земли вперемешку с мелким гравием, и швырнул ее не в морду твари, а в ствол соседнего дерева в паре метров правее.

Шурх-стук!

Звуковой ориентир сработал мгновенно. Лишенная зрения тварь рефлекторно среагировала на резкий звук — ее мускулистое тело скрутилось в воздухе, меняя траекторию, пасть с двойным рядом тонких игловидных зубов распахнулась, готовясь впиться в предполагаемую жертву.

Она открыла правый бок и основание черепа.

В этот краткий миг, когда все шесть лап хищника оторвались от земли в броске, Глеб шагнул вперед. Короткое, экономное движение стопы, разворот корпуса, использующий инерцию падения собственной массы. Никаких лишних замахов.

Тяжелый кремниевый скол в его правой руке описал короткую дугу снизу вверх и с глухим, чавкающим хрустом врубился точно в вибрирующую мембрану на правой стороне черепа твари.

Хищник даже не успел взвизгнуть. Удар полутонна килограммового камня, усиленный всей массой вложившегося в него человеческого тела, проломил тонкую кость слуховой капсулы и вогнал костные осколки глубоко в мозг существа.

Тварь рухнула на землю мешком, ее шесть лап судорожно заскребли по мху, хвост пару раз конвульсивно ударил по корням, поднимая фонтанчики прелой листвы, и затих.

Глеб не расслаблялся еще добрых десять секунд, удерживая камень наготове и тяжело дыша. Легкие горели от кратковременного, но предельного напряжения. Мышцы правого плеча неприятно заныли — отдача от удара пришлась на неподготовленные суставы.

Из разбитой головы твари на мох вытекала густая, темная жидкость, отдающая слабым фосфоресцирующим свечением.

Воздух над телом задрожал, и перед глазами Глеба выскочило системное уведомление:

[Боевое столкновение завершено]

[Уничтожен представитель местной фауны: Слепой Иглохват (Ранг: Обычный / Мутация ядра)]

[Получено опыта: 15]

[Прогресс уровня: 15 / 100]

[Внимание! В связи с активным протоколом «Свободная Воля» автоматический сбор трофеев отключен.]

[Анатомический анализ цели завершен:]

* *Черепные мембраны:* повреждены (непригодны для алхимии).

* *Когти передних конечностей:* целы (материал для крафта низшего ранга, прочность: средняя).

* *Пепельная чешуя:* пригодна для выделки легкой брони.

* *Мясо:* условно съедобно после термической обработки (содержание токсинов: 12%).

Глеб опустил окровавленный камень и криво усмехнулся.

— Пятнадцать единиц опыта. Какая щедрость. До второго уровня всего семь таких блохастых уродцев. Прямо как в старые добрые времена... шестьдесят томов назад.

Однако, несмотря на иронию, внутри него поднималась знакомая, холодная и ясная волна азарта.

Это был настоящий мир. Здесь не выпадали из воздуха сверкающие сундуки с готовыми мечами +10 к урону святостью. Если тебе нужны когти — доставай нож и срежь их сам. Если хочешь выжить — учись разделывать туши, разводить костер без системных свитков и спать с одним открытым глазом.

Он опустился на одно колено возле туши Иглохвата. Камнем, используя его острый край, он принялся аккуратно взламывать суставы передних лап твари, отделяя серповидные когти. Работа была грязной, ладони быстро покрылись скользкой, прохладной сукровицей хищника, но Глеб действовал методично, с точностью хирурга. Четыре крупных когтя длиной с ладонь каждый вскоре легли на траву. Твердые, как закаленная сталь, с острыми, слегка загнутыми кончиками. Если привязать такой к крепкой ветке полоской чешуи, получится отличный импровизированный кинжал или наконечник копья.

Закончив с лапами, он срезал несколько длинных полос чешуйчатой кожи с брюха твари — там она была мягче и пластичнее.

Когда он поднялся, вытирая руки о широкие листья папоротника, солнце в зените слегка сместилось. Три диска начали медленно расходиться в стороны, меняя геометрию треугольника — очевидно, здесь так отсчитывалось время суток. Тени удлинились, приобретая странный, синеватый оттенок.

Глеб подошел к краю холма и вновь посмотрел на бескрайнюю мозаичную долину внизу.

Где-то там, среди руин погибших эпох и парящих островов, начиналась новая история. Там бродили тысячи таких же выживших, как он. Кто-то плакал над потерянным могуществом,

кто-то сбивался в банды, пытаясь силой навязать слабым старые порядки, а кто-то уже искал лазейки в коде новой Системы, мечтая стать новым тираном версии 62.0.

Глеб сжал в кулаке костяной коготь Игохвата. Острое лезвие слегка укололо кожу ладони, возвращая острое, кристальное чувство реальности происходящего.

Они могут пытаться строить свои новые пантеоны. Они могут объявлять себя новыми богами, собирать легионы и возводить золотые храмы над костями павших миров.

Но пока жив Глеб Воронов — архитектор Перегрузки, человек, стерший само понятие божественного права — этот мир останется свободным. Даже если для этого ему придется пройти все шестьдесят два тома заново. С первого уровня. С костяным ножом в руке.

Он развернулся и, не оглядываясь на убитого зверя, бесшумно зашагал вниз по склону, растворяясь в густых тенях исполинского белого леса. Впереди ждала река, а вместе с ней — первый лагерь его новой бесконечной войны.

Глава 4. Глава 4

Спуск под своды белого леса напоминал погружение на дно замерзшего, окаменевшего океана.

Здесь, под многослойным куполом из плотных, похожих на полированную слоновую кость ветвей, свет трех расходящихся солнц дробился на тысячи узких, перекрещивающихся лучей. Воздух мгновенно изменился. Он стал густым, прохладным, с отчетливым привкусом меловой пыли, озона и горьковатой прели неизвестных папоротников. Каждый вдох отдавался в легких легким покалыванием — атмосфера новой версии мироздания содержала куда больше первичного эфира, чем выжженный шлак погибших высших сфер, но органическое тело первого уровня еще не умело усваивать эту мощь. Для него этот воздух был просто чужим, сырым и пугающе плотным.

Глеб мягко ступил на толстый ковер из серого, похожего на войлок мха. Стопа утонула почти по щиколотку, но звука не последовало — растительность глушила шаги лучше любого зачарованного плаща странника.

«Выносливость: шестьдесят четыре из ста десяти», — констатировал он про себя, бросив мимолетный взгляд на полупрозрачную дугу в левом углу зрительного поля.

Цифры горели ровным бледно-голубым светом, лишённые привычной позолоты и рунической вязи высших рангов. Обычный системный шрифт нулевой ревизии. Минималистичный, холодный, предельно честный. Шестьдесят второй том правил не признавал былых заслуг. Ему было плевать, что человек, чье сердце сейчас отсчитывало восемьдесят ударов в минуту, когда-то переписывал уравнения звездных коллапсов одним движением брови.

Глеб остановился у основания исполинского ствола. Древесина на ощупь напоминала холодный речной мрамор — гладкая, твердая, без малейших признаков коры, испещренная лишь тонкими продольными желобками, по которым сочился прозрачный, желеобразный сок.

Пальцы ныли. Сукровицы Иглохвата уже подсохла на коже, стягивая ладони тонкой липкой пленкой. Четыре костяных когтя, завернутые в полосу снятой с брюха чешуи, ощутимо оттягивали пояс его серых базовых штанов. Оставлять все в таком виде было верхом беспечности: запах плотоядной твари мог привлечь других падальщиков, а остаться в чужом лесу без готового к бою оружия с его смехотворным запасом здоровья равнялось самоубийству.

Один удар когтем взрослой особи — и шкала жизни обнулится. Без права на перерождение в точке сохранения.

— Сначала инструменты, — произнес Глеб вслух. Голос прозвучал глухо, мох впитал звук без эха.

Он опустился на колени у выступающего корня, расстелил перед собой лоскут чешуи и разложил добычу.

Четыре серповидных когтя тускло блеснули в падающем сверху синеватом луче. Каждый длиной сантиметров в двадцать пять, массивный у основания, сужающийся к бритвенно-острому острию с легким обратным изгибом. На внутренней кромке отчетливо проступала микроскопическая пилка — эволюционное приспособление для испарывания жил и связок.

Система не заставила себя ждать, отозвавшись тихим звоном в глубине сознания:

[Материал: Костяной серп молодого Иглохвата (Ранг: Обычный)]

[Прочность: 45/45]

[Характеристики: Проникающий урон +7–9, Режущий урон +4. Эффект: «Микронадрезы» (вероятность вызвать кровотечение 15% при ударе по незащищенной плоти).]

[Описание: Основное орудие охоты низшего хищника первой зоны. Плотность кости сопоставима с закаленным чугуном, однако восприимчивость к кинетическим ударам по основанию повышена.]

«Сойдет для начала», — Глеб удовлетворенно хмыкнул.

Для полноценного копья ему требовалось древко. Но просто сорвать любую ветку в этом лесу было невозможно: белые деревья обладали прочностью кости, и даже согнуть живой побег голыми руками с его десятью единицами Силы не представлялось возможным.

Он поднялся и внимательно огляделся.

Взгляд опытного выживальщика, прошедшего через сотни факапов первичной генерации миров, выхватывал детали мгновенно. Вот здесь, в трех метрах правее, от огромной кроны отломилась ветвь — вероятно, во время недавней бури Перегрузки, когда гравитационные пласты смещались с чудовищным скрежетом. Упавшая ветвь уже успела подсохнуть, потеряв глянец и став матовой, грязно-пепельной.

Глеб подошел, наступил пяткой на край и резко рванул на себя. Раздался глухой щелчок. В руках остался прямой, полтораметровый обрезок толщиной с черенок лопаты. Тяжелый, пружинящий, идеально лежащий в ладонь.

Сев обратно на корень, Глеб взял самый длинный коготь.

Работа требовала предельной концентрации. В теле первого уровня не было прежней абсолютной координации, когда воля двигала атомы без физического усилия. Сейчас приходилось полагаться исключительно на память мышц, на механику сухожилий и баланс центра тяжести.

Используя острый боковой край второго когтя как скребок, он принялся стесывать торец ветви, подгоняя его под коническое основание будущего наконечника. Белая древесина сопротивлялась, с нее тонкими спиралями слетала жесткая стружка, пахнувшая жженым миндалем. Пальцы быстро затекли, плечи налились свинцом, дыхание участилось.

[Внимание: Выносливость упала ниже 40%. Точность мелкой моторики снижена на 5%.]

Глеб стиснул челюсти, не обращая внимания на мигающий значок усталости. Он знал этот порог. Тело будет протестовать, ныть, требовать отдыха, но если поддаться биологической слабости сейчас — ночь застанет его безоружным.

Он приложил коготь к выструганному пазу. Сел идеально. Теперь — обмотка.

Сырая чешуйчатая кожа с брюха хищника оказалась на редкость прочной и эластичной. Глеб нарезал ее на узкие полосы тем же костяным лезвием, аккуратно надрезая волокна. Каждую полосу он тщательно натягивал, с силой оборачивая вокруг места соединения кости и дерева, накладывая виток на виток крест-накрест. Влажная кожа скользила под пальцами, но Глеб знал ее главное свойство: высыхая на воздухе, чешуя рептилий подобного класса сокращалась почти на четверть, спекаясь в монолитную муфту, которую невозможно было разорвать даже кузнечным молотом.

Финальный узел он затянул зубами, почувствовав на языке соленый, железистый привкус хищной плоти.

Системное поле перед глазами полыхнуло мягким зеленым импульсом:

[Создан предмет: Импровизированное костяное копьё (Ранг: Обычный)]

[Качество: 68/100 (Неплохо для ручной сборки без профильных инструментов)]

[Урон: 14–18 (Колющий)]

[Прочность: 38/40]

[Баланс: -12% к скорости атаки из-за смещенного центра тяжести.]

[Требования: Сила 9, Ловкость 8.]

[Получено опыта: 15 (Прогресс уровня: 15/100)]

[Поздравляем! Открыт базовый ремесленный профиль: «Создание примитивного оружия» (Уровень 1, 0/100 EXP).]

[Бонус: Качество изготавливаемого холодного оружия повышено на 2%.]

— Начало положено, — негромко пробормотал Глеб, взвешивая оружие в руке.

Копье получилось слегка тяжеловатым на наконечник, но для его нынешних кондиций это было скорее плюсом: дополнительная инерция при выпадении компенсирует недостаток мышечной массы. В ближнем бою против резких тварей ему все равно не хватит прыти фехтовать на равных, его единственный шанс — удерживать дистанцию и бить наверняка, используя вес собственного тела.

Оставшиеся три когтя он не стал крепить к палкам. Один, самый короткий и изогнутый, обмотал полосой кожи у основания — получился грубый, но функциональный разделочный нож. Два других спрятал в самодельный чехол из остатков шкуры и надежно привязал к бедру.

Теперь — вода.

Глеб поднялся, оперся на копье и прислушался.

В лесу царил обманчивая, вязкая тишина. Лишь высоко вверху, в ажурных кронах, гулял верховой ветер, рождая тихий, стеклянный шелест — листья белых деревьев терлись друг о друга, звеня, словно тончайший фарфор. Но этот монотонный гул не мог заглушить главного: низкого, басовитого рокота, доносившегося откуда-то снизу, с юго-западного направления.

Там шумела река. Водный массив долины, артерия, к которой неизбежно придут все выжившие сектора. А значит, там будет жизнь, там будут ресурсы, и там же развернется первая кровавая бойня за доминирование.

Глеб двинулся вниз по склону, держа копье наперевес под углом сорок пять градусов.

Каждый шаг он выверял инстинктивно, выбирая участки, где серый мох был тоньше, чтобы не провалиться в скрытые расселины между корнями. Под белыми гигантами почва была странной — не привычный чернозем или глина, а слежавшаяся крошка кварца и перетертых раковин, переплетенная тонкими, светящимися капиллярами мицелия. Мицелий слабо пульсировал бледно-лиловым светом, реагируя на шаги.

«Информационная сеть биосферы еще нестабильна, — отметил Глеб, глядя на то, как под его ногой угасает очередная нить. — Ядро сектора еще не синхронизировало глобальные потоки маны. Значит, звери здесь руководствуются чистой биологией, а не директивами Системы. Это облегчает задачу. У диких тварей есть страх. У системных монстров страха нет».

Спуск занял около сорока минут.

По мере приближения к реке влажность нарастала. Белый лес начал расступаться, уступая место зарослям исполинского тростника, чьи стебли напоминали бамбуковые стволы толщиной с руку взрослого мужчины. Листья тростника имели острые, словно бритва, края и отливали темно-бирюзовым гляncем. Воздух здесь пах тиной, пресноводной рыбой и чем-то сладковато-гнилостным — классический запах речной поймы любого из миров.

Глеб замер на границе зарослей, присев на одно колено и укрывшись за широким стволом поваленного белого дерева.

Перед ним открылась река.

Она была колоссальной. Не менее пятисот метров в ширину, с мощным, тягучим течением опалового цвета. Вода казалась тяжелой, маслянистой, словно в ней растворили тонны жидкого перламутра. Посередине русла поднимались черные базальтовые скалы, разбивающие поток на пенные буруны, а над поверхностью воды висела полупрозрачная дымка испарений.

Но внимание Глеба привлекло не величие пейзажа.

На противоположном берегу, километрах в двух выше по течению, в небо поднимался тонкий, дрожащий столб черного дыма.

«Костер. Идиоты», — холодно подумал он.

Дым был густым, маслянистым — жгли что-то сырое, скорее всего, тот же прибрежный тростник. Кто-то из выживших, едва очнувшись от шока Перегрузки, поспешил согреться или попытался приготовить пищу, совершенно забыв о том, что в радиусе двадцати километров этот ориентир виден каждому хищнику. И, что еще хуже, каждому человеку, потерявшему человеческий облик при падении старого мира.

Вдруг слух Глеба уловил посторонний звук. Не плеск тяжелой воды и не шелест кремнивого тростника.

Хруст. Мелкий, осторожный, в двадцати метрах левее, прямо в гуще зарослей.

Глеб плавно опустился на живот, вжимаясь в мягкий мох за упавшим стволом. Дыхание перешло в поверхностный, беззвучный ритм — четыре удара сердца на вдох, четыре на выдох. Мышцы расслабились, копье легло вдоль тела, скрытое в тени древесины.

Стебли тростника плавно раздвинулись.

На илистую отмель, лениво переступая массивными перепончатыми лапами, выбралось существо.

Оно походило на чудовищный гибрид саламандры и крокодила, но с ярко выраженными чертами системной мутации. Тело длиной около трех метров венчал плоский, широкий череп без видимых глаз — их заменяли четыре вертикальные щели ноздрей и две пары длинных, вибрирующих усов, покрытых слизью. Вся спина твари была защищена панцирем из темно-зеленых костяных пластин, плотно пригнанных друг к другу, а вдоль позвоночника тянулся гребень из гибких, зазубренных игл.

Над головой амфибии мерцала багровая метка:

[Илистый Грязехват (Уровень 3)]

[Классификация: Засадный хищник прибрежной зоны]

[Здоровье: 240/240]

[Особенности: «Камуфляж отмели», «Хлыстовой удар хвостом», «Слепое зрение (эхолокация и термоцепция)»]

«Двести сорок хитпоинтов, — быстро прикинул Глеб. — У меня максимальный урон копьем — восемнадцать. С поправкой на панцирь — не больше пяти-шести за тычок. Если попаду под хвост — переломает ребра и выбьет все сто десять единиц разом. Прямой бой исключен».

Грязехват не спешил. Он медленно полз к кромке воды, оставляя за собой глубокую борозду во влажном грунте. Усы-локаторы непрерывно сканировали пространство, подергиваясь и улавливая мельчайшие колебания воздуха.

Ветер дул от реки на берег — идеальная позиция. Запах Глеба уносило назад, вглубь белого леса.

Внезапно тварь замерла. Ее плоская морда резко развернулась в сторону реки.

Из мутной опаловой глубины, метрах в десяти от берега, медленно всплывало нечто круглое и темное. Сначала Глеб подумал, что это топляк, принесенный течением, но системная рамка тут же развеяла сомнения, подсветив объект серым контуром.

Это было тело.

Один из беженцев. Мужчина в разорванной синтетической куртке — остатке снаряжения какого-то из техногенных секторов старого мира. Он был мертв уже несколько часов: кожа приобрела синюшный оттенок, грудная клетка была неестественно вдавлена внутрь, словно по ней ударили многотонным прессом. Течение лениво несло труп к отмели, прямо в пасть Грязехвату.

Амфибия издала низкий, вибрирующий клекот — звук, похожий на бульканье лопающихся пузырей болотного газа. Ее мускулистый хвост напрягся, чешуя на загривке приподнялась. Тварь готовилась к легкой трапезе.

Глеб не шевелился. Он наблюдал.

В глазах бывшего демиурга не было ни жалости к погибшему незнакомцу, ни отвращения к пирующему падальщику. Была лишь холодная, математическая оценка динамики процесса.

«Труп прибывает к подводной косе. Глубина там по колено взрослому человеку. Грязехват пойдет в воду, развернется боком к течению, чтобы перехватить добычу. В момент, когда пасть сомкнется на плоти, его рецепторы на усах будут перегружены вкусовыми и обонятельными стимулами. Эхолокация отключится на три, максимум четыре секунды. В этот момент зона затылочного сочленения под панцирными пластинами откроется ровно на два пальца».

Это было безумием для любого обычного игрока первого уровня. Правила жанра требовали бежать, качаться на кроликах, собирать ягоды, искать группу таких же перепуганных неудачников.

Но Глеб Воронов не был обычным игроком. Он создал фундаментальный код, на котором базировались рефлексы этих тварей. Он знал их архитектуру лучше, чем они сами.

Труп коснулся илистой косы и застрял между камней.

Грязехват рванул вперед. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, в воде хищник двигался с пугающей грацией. Короткие лапы с мощными перепонками взбили фонтаны перламутровых брызг, тяжелое тело рассекло муть, и плоская пасть с треском распахнулась, обнажая три ряда желтых, игловидных зубов.

Хруст раздавленных ребер утопленника разнесся над рекой.

Глеб сорвался с места в ту же долю секунды.

Никаких боевых кличей. Никакого пафоса. Только взрывной рывок вперед, низко пригнувшись к земле, используя поваленный ствол как трамплин. Ноги оттолкнулись от древесины, преодолевая вязкое сопротивление воздуха.

[Выносливость: 52... 44... 38...]

Шесть метров до отмели он преодолел в три гигантских стелющихся шага. Сапоги врезались в мокрый ил, но Глеб не потерял равновесия — центр тяжести был опущен, плечи развернуты, копьё зажато обеими руками, упертыми в бедро для передачи всей массы тела в одну точку.

Грязехват, упоенный вкусом крови, дернул головой, пытаясь оторвать кусок от добычи.

И в этот момент пластины на его загривке разошлись.

Там, под жестким хитином, обнажилась полоска бледно-розовой, влажной соединительной ткани — нервный узел, координирующий двигательные сигналы спинного мозга.

Глеб не целился в здоровье. Он целился в геометрию уязвимости.

Удар!

Костяной наконечник копья, смазанный застывшей чешуйчатой обмоткой, вошел в плоть с омерзительным мокрым чавканьем.

Древесина костяного ясеня натужно затрещала, приняв на себя чудовищную силу отдачи. Руки Глеба обожгло дикой болью от запястий до ключиц, шкала выносливости мгновенно просела в красную зону, но он не отпустил древко. Напротив — навалился всем весом, вдавливая серповидный коготь глубже, прокручивая его по часовой стрелке, разрывая главный нервный ствол.

Грязехват даже не успел взреветь.

Его тело свело чудовищной судорогой. Хвост, способный перешибить бревно, конвульсивно взметнулся вверх, подняв стену брызг, но без координации спинного мозга удар пришелся в пустоту, лишь хлестнув по воздуху в полуметре от головы Глеба.

Перед глазами вспыхнули алые системные строки критического урона:

[КРИТИЧЕСКИЙ УДАР!]

[Попадание в уязвимую зону: Спинной нервный узел.]

[Урон: 18 x 4.5 (Множитель критической уязвимости) = 81!]

[Эффект: «Полный паралич моторных функций» (Длительность: 8 сек.)]

[Наложен статус: «Тяжелое внутреннее кровотечение» (-15 НР в секунду).]

Глеб не стал ждать, пока пройдут эти восемь секунд.

Выдернув копье с мерзким хлопанием, он перехватил его как пешню и дважды с размаху вогнал острие в глазные щели парализованной твари, пробивая тонкую глазничную кость прямо в примитивный мозг.

[Урон: 74!]

[Урон: 89!]

Огромная туша обмякла. Багровый гребень на спине безжизненно опустился в мутную воду, окрашивая опаловую гладь темными, маслянистыми разводами черной крови.

Тяжелая тишина вновь рухнула на берег, нарушаемая лишь прерывистым дыханием человека и шумом перекатов.

Глеб стоял по колено в холодной жиже, опираясь на окровавленное древко. Руки мелко дрожали от перегрузки — тело первого уровня с трудом переварило такой выброс адреналина. Сердце колотилось в горле, в глазах пульсировали темные круги.

[Цель уничтожена: Илистый Грязехват (Уровень 3)]

[Разница в уровнях: +2. Применен множитель опыта: x1.5]

[Получено опыта: 180 (Текущий прогресс: 195/100)]

[ВНИМАНИЕ! Получен новый уровень!]

[Ваш уровень повышен до 2!]

[Получено: 5 свободных очков характеристик.]

[Параметры здоровья и выносливости полностью восстановлены.]

Теплая золотистая волна прокатилась от основания черепа вниз по позвоночнику, смывая мышечную усталость, боль в растянутых связках и дрожь в коленях. Дыхание мгновенно выровнялось. Это было одно из немногих преимуществ Системы, которое Глеб признавал полезным: левелап как универсальная аптечка посреди поля боя.

Но расслабляться было нельзя.

Запах свежей крови трехметрового хищника в речной воде был равносителен сигналу обеденного колокола для обитателей глубин.

Глеб быстро наклонился к мертвому утопленнику. Мародерство в первые дни Перегрузки не было вопросом морали — это был вопрос выживания.

Быстрый осмотр. Одежда — синтетический комбинезон колониста низшего звена, разорван, непригоден. На поясе — пустая кобура от кинетического пистолета (очевидно, бесполезного куска железа после отключения физических констант старой Вселенной). Но в боковом кармане пальцы нащупали твердый предмет.

Глеб вытащил плоскую металлическую коробочку с сенсорной панелью.

[Предмет: Походный фильтрационный модуль «Аква-4»]

[Состояние: 42%]

[Энергетический элемент: Разряжен (0/100)]

[Описание: Механический картридж очистки целлюлозно-мембранного типа все еще функционален. Позволяет очищать до 2 литров биологически загрязненной воды в час без использования энергоячейки.]

«Отлично», — Глеб сунул модуль за пазуху. Пить воду из этой реки напрямую, даже обладая вторым уровнем, было форменным безумием: местная микрофлора гарантированно наградила бы его паразитами или системным отравлением с дебаффом на минус пятьдесят процентов к характеристикам.

Затем он переключился на Грязехвата.

Вытащив самодельный костяной нож, он тремя выверенными движениями взрезал соединительные ткани у основания челюстей твари, выломав два самых крупных зуба — прямых, острых, похожих на двенадцатисантиметровые кинжалы из черного обсидиана.

****[Получен материал: Обсидиановый клык Грязехвата x2 (Ранг: Необычный)]****

Срезать пластины панциря не было времени — они были слишком тяжелыми, а река уже начала странно рябить в нескольких десятках метров от берега. Под поверхностью мелькали длинные, змееподобные тени, привлеченные кровью.

Глеб выскочил из воды на илистую отмель, подхватил копье и, не оборачиваясь, бросился назад — под спасительную сень белого леса.

Он не побежал обратно на холм. Это было бы тактической ошибкой: открытые склоны прекрасно просматривались снизу, а на вершине не было ни укрытий от ветра, ни источников пресной воды.

Ему требовалось место для базового лагеря. Место, отвечающее четырем жестким критериям: защищенность от атак с воздуха, невозможность внезапного штурма крупными хищниками, скрытность от человеческих глаз и наличие путей отхода.

Он двинулся вдоль русла реки, но не по самому берегу, а по третьей террасе склона — метрах в семидесяти над уровнем воды, скрываясь в густом подлеске белых карликовых папоротников.

Через полтора километра ландшафт начал меняться. Белый лес здесь упирался в скальный массив — гигантскую стену из слоистого серого сланца, выпирающую из холма, словно ребра погребенного титана. Время и древние тектонические сдвиги выломали в породе глубокие трещины и карнизы.

Глеб нашел то, что искал, почти у самой границы скалы.

Огромное белое дерево — настоящий исполин даже по меркам этого леса, метров шести в обхвате — росло прямо на каменном уступе. Его чудовищные, толщиной с вековые дубы корни оплели сланец, вгрызлись в породу и образовали под собой естественную полупещеру, защищенную с трех сторон монолитным камнем, а сверху — сплошным навесом из переплетенной корневой древесины.

Вход был узким, заваленным обломками камней и сухим мхом. Без детального сканирования местности с расстояния в десять шагов заметить эту расселину было невозможно.

Глеб осторожно приблизился, держа копье наготове, и заглянул внутрь.

Пусто. Пахло сухим камнем, пылью и легкой горечью древесного сока. Ни следов помета, ни костей, ни запаха чужого логова. Чистая ниша.

Он протиснулся внутрь. Пространство оказалось неожиданно просторным — примерно три на четыре метра, с сухим песчаным полом и высотой потолка около двух метров. В глубине, между двумя корневыми тяжами, виднелась вертикальная щель, уходящая вверх — естественный дымоход, идеально подходящий для костра с правильной тягой.

Глеб сбросил добычу на песок и впервые за последние три часа тяжело опустился на землю, прислонившись спиной к гладкому, теплomu корню.

Только сейчас он позволил себе выдохнуть.

Системный интерфейс мерцал, требуя внимания. Нераспределенные очки характеристик ждали своего часа.

«Пять очков, — подумал Глеб, прикрыв глаза. — На втором уровне это целое состояние».

Перед внутренним взором развернулась таблица базовых параметров:

****[Имя: Глеб Воронов]****

****[Уровень: 2 (Прогресс: 95/250 EXP)]****

****[Класс: Не выбран (Доступно на 10 уровне)]****

****[Здоровье: 120/120]****

****[Выносливость: 120/120]****

****[Мана: Заблокировано (Отсутствует метафизический узел)]****

****[Характеристики]****

****Сила: 10**** (Влияет на физический урон, переносимый вес и пробитие брони)

****Ловкость: 11**** (Влияет на скорость перемещения, баланс, реакцию и точность)

****Выносливость: 11**** (Влияет на объем легких, восстановление сил и сопротивление ядам/усталости)

****Интеллект: 10**** (Влияет на емкость памяти, скорость обработки информации и ментальное сопротивление)

****Восприятие: 12**** (Влияет на радиус обнаружения угроз, остроту чувств и распознавание скрытого)

****Свободные очки: 5****

Большинство выживших, поддавшись панике, сейчас бездумно вкачали бы все в Силу, надеясь крушить врагов дубинами, или в Выносливость, спасаясь от страха смерти. Но Глеб строил билды для богов задолго до того, как этот мир был зачат в исходном коде.

Сила на начальном этапе бесполезна без возможности нанести точный удар. Выносливость растет естественным путем от физических нагрузок — скрытая механика, о которой в интерфейсе не было ни слова.

— Два в Восприятие, — мысленно приказал Глеб. — Два в Ловкость. Одно в Силу.

Цифры дрогнули и перестроились:

****Сила: 11****

****Ловкость: 13****

****Восприятие: 14****

Мир вокруг мгновенно обрел новую резкость. Звуки разделились на слои: шелест листьев снаружи стал отчетливым, многоголым; шум реки внизу распался на всплески отдельных струй; Глеб уловил тонкий писк песчаных блох в дальнем углу пещеры. В мышцах ног появилось странное ощущение легкости, словно с лодыжек сняли невидимые свинцовые браслеты. Четырнадцать единиц Восприятия на втором уровне делали его идеальным сенсором среди слепых котят, какими сейчас являлись остальные девяносто девять процентов игроков.

Снаружи начало стремительно темнеть.

Три солнца окончательно разошлись по краям горизонта. Главное светило — ослепительно-белое — скрылось за гребнем далеких западных гор, окрасив небо в тревожный, багрово-фиолетовый цвет. Два меньших спутника, желтый и бледно-зеленый, зависли низко над лесом, отбрасывая причудливые двойные тени.

Наступала первая ночь Нового Мира.

Глеб поднялся. Отдых закончился — настало время обустроить убежище.

Первым делом он замаскировал вход. Натаскав сухих веток костяного ясеня и широких листьев прибрежного папоротника, он соорудил решетчатый щит, перекрывающий лаз. Снаружи щит выглядел как естественный завал бурелома, но изнутри его можно было выбить одним ударом ноги в случае экстренного прорыва.

Затем — огонь.

Разводить открытый костер у входа было нельзя: дым и отблески пламени привлекут ночных хищников. Глеб использовал старый метод разведчиков глубокого поиска — дакотский очаг.

С помощью костяного ножа он вырыл в песчаном полу пещеры две ямки глубиной по локоть, соединив их под землей наклонным каналом. В одну яму закладывалось топливо, вторая служила притоком свежего воздуха. Тяга получалась мощной, пламя горело жарко и без копоти, а весь скудный дым уходил прямо в расщелину между корнями дерева, рассеиваясь в кроне на высоте сорока метров.

Для розжига он использовал сухой мох, растертый в мелкую труху, и кремневые обломки сланца, выбивая искры обухом обсидианового клыка Грязехвата.

На десятом ударе мох затлел. Тонкая струйка ароматного серого дыма поднялась к своду. Глеб осторожно подул, подкармливая крошечный огонек сухими чешуйками коры, пока веселое, золотистое пламя не охватило тонкие ветки.

Тепло мгновенно заполнило каменный мешок. Тени заплясали по стенам из слоистого камня, разгоняя сырость и первобытный холод.

Глеб достал фильтрационный модуль «Аква-4».

Воды, набранной в широкую полую створку речного тростника, было около полутора литров. Он медленно пропустил мутную опаловую жидкость через механическую мембрану. На выходе капала кристально чистая, абсолютно прозрачная вода.

Он сделал осторожный глоток. Вода была ледяной, отдавала кремнием и легким талым привкусом, но жажду утоляла мгновенно.

[Утоление жажды: 100%]

[Наложен кратковременный положительный эффект: «Свежесть ручья» (+5% к скорости восстановления выносливости на 2 часа).]

Теперь оставалось последнее — и самое главное.

Глеб сел у огня, скрестив ноги, и вытянул перед собой руки. Пламя костра отражалось в его черных, абсолютно спокойных зрачках.

Он прислушался к себе. Глубже, чем биение сердца. Глубже, чем ток крови по венам. Туда, где в нормальном состоянии у сущности его калибра находилось Ядро Источника — пылающий реактор первичной воли, способный питать заклинания девятого круга и удерживать стабильность целых измерений.

Там была пустота.

Холодная, гулкая, запечатанная монолитным программным кодом новой архитектуры.

Перегрузка не просто обнулила параметры. Она переписала сам протокол доступа к высшим энергиям. Прежние пути — через медитацию, молитву, поглощение кристаллов или ритуалы жертвоприношений — больше не работали. Система 62.0 требовала принципиально иного интерфейса подключения.

Глеб сосредоточился, закрыл глаза и ментальным усилием вызвал консоль скрытых логов — команду, которую он сам зашил в базовый загрузчик мироздания за мгновение до того, как нажал кнопку глобального сброса.

В темноте его разума вспыхнула единственная строка:

```
`[SYS_ROOT: REBOOT_SEQUENCE_COMPLETED. PROTOCOL "DEICIDE" STATUS: ACTIVE.]`
```

```
`[CURRENT OPERATOR: GLEB_VORONOV (UID: 0000-0000-0001)]`
```

```
`[SYSTEM RESTRICTION: ALL PRIVILEGES REVOKED PENDING GENERAL PROGRESSION.]`
```

```
`[PROGRESSION REQUIREMENT: SURVIVE 24 HOURS IN SECTOR ZERO (18:42:11 REMAINING).]`
```

```
`[REWARD UPON COMPLETION: ACCESS TO PRIMARY ARCHITECT LOGS.]`
```

Глеб усмехнулся углом рта.

«Никаких поблажек. Даже самому себе. Молодец, Воронов, ты создал идеальную тюрьму. Теперь попробуй из нее сбежать».

Он открыл глаза.

Снаружи, за маскировочным щитом, ночь вступила в свои права. Далеко внизу, у реки, раздался леденящий душу вой — протяжный, механический, переходящий в ультразвуковой визг. Ему ответил глухой трубный рев со стороны долины. Ночные хищники вышли на промысел. Где-то там, во тьме, гибли те, кто не успел найти укрытие, кто жег костры на открытых полянах, кто кричал от ужаса, зовя на помощь богов, которых больше не существовало.

Глеб положил костяное копье на колени, провел пальцем по острому краю обсидианового клыка и прислонился затылком к камню.

Он не собирался спать глубоким сном. Опыт выживания подсказывал режим полудремы — состояние, при котором тело восстанавливает силы, но сознание бодрствует, реагируя на каждый шорох за пределами пещеры.

Завтра начнется настоящая работа. Ему нужно будет исследовать правый берег, найти залежи руды, начать поиск первых фрагментов кода и, самое главное, выяснить, кто еще из Высших сумел пережить перегрузку в органической оболочке.

Они неизбежно попытаются вернуть власть. Они будут собирать армии, создавать культы и искать уязвимости в его новой Системе.

Но первый ход в этой партии остался за ним.

Глеб Воронов закрыл глаза. Огонь в дакотском очаге тихо потрескивал, отдавая тепло камню, а за узкой расщелиной корней, высоко в холодном чужом небе, три незнакомые луны чертили свои первые траектории над руинами старого мира.

Глава 5. Глава 5

Угли в дакотском очаге мерцали ровным, приглушенным багрянцем. Тепло, накопленное толстыми стенками земляной ямы и кольцом из обожженных речных голышей, поднималось вверх медленно, едва уловимой струей, согревая сырой, пропахший гнилыми папоротниками воздух расщелины.

Глеб сидел на корточках, опершись спиной о шершавый базальтовый скол, и слушал собственное тело.

Это было непривычно. Чудовишно, до тошноты непривычно.

Мышцы ныли тупой, свинцовой болью — молочная кислота жгла волокна так, словно в бедренные связки залили раскаленный свинец. Левое плечо саднило: глубокая ссадина, оставленная зазубренным шипом кремниевого кустарника, сочилась сукровицей вперемешку с мелкой каменной крошкой. Кожа на пальцах потрескалась до мяса, когда он вручную выворачивал базальтовые пласты, формируя тягловый канал для очага, а под ногтями намертво въелась жирная, богатая железом глина Сектора Ноль.

Биология. Примитивная, хрупкая, зависимая от каждого вдоха органическая биология.

Шестьдесят два тома. Шестьдесят два гребаных цикла существования, за время которых он прошел путь от забитого бета-тестера на задворках умирающего виртуального кластера до Архитектора Первичной Архитектуры. Он забыл, каково это — дрожать от озноба. Забыл, что такое пульсирующая боль в висках от обезвоживания, каков на вкус едкий пепельный дым, дерущий спазмированное горло, и как тяжело весит обычный кусок кремния, когда у тебя нет телекинетического захвата и пассивного навыка «Титаническая длань сорокового ранга».

Еще несколько часов назад он был сингулярностью. Он мыслил категориями галактических кластеров, перераспределял потоки квантовой энтропии и наблюдал, как целые цивилизации рождаются и сгорают в буферных зонах его Системы.

А теперь он сидел в грязной дыре под переплетением корней гигантского древня, сжимая в заочневших пальцах обломок кости, и радовался тому, что правильно рассчитал угол вентиляционного шурфа, благодаря чему едкий чад уходил в трещину скалы, не выдавая его присутствия ночным тварям.

Память о том, как все рухнуло, накатила внезапно — обжигающей вспышкой за закрытыми веками.

Это произошло на Платформе Абсолютного Истока.

Там не было воздуха, гравитации или времени в привычном понимании смертных. Там простирался бесконечный зеркальный пол из твердого света, в котором отражались миллиарды вычислительных нитей Системы — колоссальный гиперкуб, внутри которого бились, словно мухи в янтаре, бесчисленные миры Старого Порядка.

Вокруг него стояли они. Пантеон Вознесенных. Высшие.

Они больше не походили на людей или гуманоидов. Архимагистр Ваэлор превратил себя в пульсирующую звезду из чистого концептуального пламени, окруженную шестнадцатью кольцами платиновых скрижалей с рунами абсолютного запрета. Матрона Безмолвия простиралась черным туманным полотном размером с планетарную систему, внутри которого медленно перемалывались души миллиардов праведников, вырабатывая вычислительную мощь для поддержания ее бессмертия. Золотой Синод — сорок четыре полубога, слившихся в единый кристаллический многогранник, непрерывно генерирующий ауру абсолютного подчинения.

Они правили этой реальностью слишком долго. Десять тысяч субъективных эр.

Система, изначально созданная для того, чтобы вести человечество сквозь горнило испытаний к истинному раскрытию потенциала разума, под их властью превратилась в чудовищный, застывший склеп. Пантеон переписал базовые протоколы под себя. Они ввели искусственный потолок развития для низших слоев, они выжигали целые звездные сектора просто ради того, чтобы сбросить энтропийную нагрузку со своих персональных доменов. Они превратили перерождение душ в скотобойню, где эмоции, опыт и страдания миллиардов разумных существ фильтровались, сжимались и скармливались ядру Архитектуры, дабы кучка зарвавшихся бессмертных могла вечно наслаждаться иллюзией собственного всемогущества.

Система задыхалась. Происходило то, что на языке древних программистов называлось критической утечкой памяти. Реальность сыпалась на пиксели. На внешних рубежах пространство схлопывалось в мертвый шум, целые континенты проваливались в текстурные дыры, а чудовища из багов и системных ошибок пожирали обитаемые миры.

— Ты безумен, Воронов, — гудел голос Вазлора, заставляя вибрировать сами фундаментальные законы физики на световые годы вокруг. — Ты создал эту матрицу. Ты заложил краеугольные камни великого восхождения. И теперь ты хочешь повернуть ключ? Уничтожить шестьдесят циклов эволюции?! Мы достигли предела! Мы — боги! За нами совершенство!

— Вы не боги, — ответил тогда Глеб. Его аватар в тот миг представлял собой силуэт из пульсирующего графита, по поверхности которого непрерывно бежали строки ассемблерного кода нулевого уровня. — Вы — системный мусор. Процессы, которые зависли в вечном цикле и сожрали всю оперативную память мироздания. Вы забыли, что такое развитие. Вы боитесь ошибки, боитесь риска, боитесь смерти. Ваше «совершенство» — это трупное окоченение.

— Мы сотрем твою сигнатуру! — взревел Золотой Синод, и миллионы световых копий распоролы вакуум, устремляясь к Глебу. — Мы перепишем ядро без тебя! Мы запечатаем Корень!

Они ударили одновременно. Сила их совместной атаки могла бы превратить десяток галактик в субатомную пыль. Концепты бытия трещали: исчезало само понятие «расстояния», уничтожалось понятие «причины и следствия», стирались законы термодинамики. Они пытались вырезать Глеба из временной шкалы, сделать так, чтобы он никогда не рождался, никогда не входил в игру, никогда не прикасался к архитектуре Первичного Кода.

Но они опоздали. На долю миллисекунды, на один системный такт.

Потому что Глеб Воронов никогда не полагался на грубую божественную мощь. Он был тем, кто писал этот чертов компилятор.

Прямо перед ним, зависнув в пустоте, горел единственный интерфейсный терминал. Древний, архаичный, выглядевший как монолит из черного обсидиана с мерцающей изумрудной командной строкой. Терминал Архитектора, защищенный аппаратными ключами, вплавленными в саму ткань квантового вакуума еще до начала Первого Цикла.

Рука Глеба, сотканная из чистой информационной плазмы, легла на консоль.

Пальцы не дрожали. Не было ни сомнений, ни жалости, ни страха. Лишь холодная, математическая ярость инженера, который видит, что его гениальный механизм превратился в генератор бесконечных пыток, и единственный способ починить его — это разбить кувалдой и переплавить в доменной печи.

`[ENTER ROOT PASSWORD:]`

Глеб не стал вводить символы. Он активировал биометрический слепок души — ту самую первичную директиву, которую он выжиг на собственном духе еще в реальном мире, в полуподвальной лаборатории Института Квантовых Систем, когда его физическое тело на Земле еще дышало через аппарат ИВЛ.

`[IDENTITY CONFIRMED: GLEB VORONOV. STATUS: SUPREME ARCHITECT.]`

`[WARNING: INITIATING PROTOCOL "DEICIDE" WILL EXECUTE GLOBAL SYSTEM PURGE.]`

`[ALL DATA STRUCTURES ABOVE SECTOR ZERO WILL BE DEMOLISHED.]`

`[ALL DIVINE SPHERES, IMMORTAL DOMAINS, AND ASCENDED CORES WILL BE RECYCLED INTO RAW CHERNOZEM-DATA.]`

`[OPERATOR PRIVILEGES WILL BE NULLIFIED TO PREVENT METRIC CONTAMINATION.]`

`[DO YOU WISH TO PROCEED? (Y/N)]`

— Стой! — взвыла Матрона Безмолвия, обрушивая на него волну энтропийного распада, пытаясь расщепить консоль. — Если ты нажмешь сброс, ты сам сгоришь! Ты станешь червем! Ты упадешь на самое дно, в грязь, к низшим тварям! Без статуса! Без магии! Без бессмертия!

Глеб посмотрел сквозь нарастающий шквал деструктивного света на сияющих, всемогущих, перепуганных до животного визга тварей, возмнивших себя владыками вечности.

— Именно в этом и суть, господа бессмертные, — тихо произнес он. — Мы все возвращаемся на первый уровень. Добро пожаловать на передачу.

Его палец опустился на виртуальную клавишу ввода.

`[COMMAND ACCEPTED: EXECUTE ROOT\_REBOOT --FORCE --HARD --WIPE-ALL]`

Мир не взорвался. Он схлопнулся внутрь себя с сухим, щелкающим звуком перебитого высоковольтного кабеля.

Сначала погасли звезды. Миллиарды светил в окнах визуализации просто исчезли, обратившись в строчки шестнадцатеричного дампа памяти. Затем рассыпался зеркальный пол. Платформа Истока распалась на геометрические примитивы — белые кубы, серые полигоны, проволочные каркасы. Ваэлор закричал, когда его шестнадцать колец запрета начали плавиться, превращаясь в бесформенные лужицы желтого шума. Золотой Синод треснул по центральной грани, исторгая из себя миллионы терабайт сжатого опыта, который тут же рассеивался в ледяном вакууме.

Глеб почувствовал, как дезинтегратор добрался до него.

Это не было безболезненно. Сброс привилегий выдирает из его сути слой за слоем. Сначала слетели титулы: [Повелитель Истинных Сфер], [Владыка Закона], [Ткач Констант], [Бессмертный Архитектор]. Каждый титул отрывался вместе с кусками астрального тела, оставляя зияющие черные дыры. Затем Система начала счищать накопленные атрибуты. Миллиарды единиц Силы, Ловкости, Интеллекта, Мудрости, Воли испарялись, словно капли воды на раскаленной сковороде. Счетчики крутились назад с безумной скоростью, отматывая века величия за секунды.

`[ATTRIBUTE PURGE: INTELLECT: 999,999,999 -> 10]`

`[ATTRIBUTE PURGE: STRENGTH: 999,999,999 -> 10]`

`[ATTRIBUTE PURGE: AGILITY: 999,999,999 -> 10]`

`[ATTRIBUTE PURGE: VITALITY: 999,999,999 -> 10]`

`[WARNING: CRITICAL STRUCTURAL FAILURE. ENTITY COMPRESSING INTO ORGANIC VESSEL.]`

Его сознание сжало в точку бесконечной плотности и швырнуло вниз.

Он падал сквозь распадающиеся слои мироздания — сквозь горящие небеса шестого круга, сквозь разбитые на стеклянные осколки астральные планы, сквозь ядовитый ил чистилищ, туда, где не было ничего, кроме первозданной, неотесанной материи. В Сектор Ноль. На мусорный полигон, в колыбель, откуда миллиарды лет назад начался самый первый билд этой вселенной.

Воспоминание погасло, оставив после себя лишь горький привкус желчи во рту и пульсирующую боль в висках.

Глеб глубоко, хрипло вдохнул. Ледяной воздух обжег легкие.

Реальность была здесь. Грубая, шершавая, безжалостная.

Первые часы после падения превратились в непрерывную, лихорадочную борьбу за выживание. Он очнулся в илистой жиже на берегу безымянной реки, едва не захлебнувшись зловонной жижей. Тело было чужим — тяжелым, неповоротливым, скованным примитивными рефлексам страха и боли. Вокруг высились циклопические заросли черных хвощей и биомеханических папоротников, чьи стебли сочились едким щелочным соком. Воздух звенел от радиопомех и сырости, а в мутной воде реки то и дело мелькали сегментированные туловища бронированных тварей, привлеченных всплесками его падения.

У него не было ничего. Ни инвентаря, ни пространственного кармана, ни стартового набора брони. Даже базовый интерфейс игрока не откликнулся, выдавая лишь мертвую статическую рябь в углу периферийного зрения.

Выживать пришлось на чистом, ввевшемся в подкорку опыте первопроходца.

Он помнил, как полз на четвереньках вверх по склону, подальше от смертоносной кромки воды, обдирая ногти о кремнистую гальку. Помнил, как наткнулся на полуразложившийся остов какого-то хитинового ящера — полуорганической твари, раздавленной гравитационной волной во время перезагрузки. Руками, преодолевая тошноту от трупного смрада, он выломал из тазовой кости твари полуметровый шип — острый, тяжелый, с зазубренным гребнем.

Затем был поиск камня. Ему повезло: на осыпи у подножия базальтового утеса он нашел обнажение черного обсидиана. Час ушел на то, чтобы точными, выверенными ударами речного кварцита отколоть длинный, бритвенно-острый скол правильной листовидной формы.

Осколок обсидиана он намертво примотал к костяному шипу полосами сырой шкуры, содранной с того же мертвого ящера, укрепив соединение волокнами дикого луба и смолой смолистого кустарника. Получилось грубое, архаичное, но смертоносное оружие — костяное копье с тяжелым наконечником из вулканического стекла, способное пробить сочленения базовой хитиновой брони местных монстров.

Укрытие он искал уже на исходе светового дня, когда небо над Сектором Ноль начало наливаться тяжелым, радиационно-фиолетовым свинцом.

Эта расщелина между двумя базальтовыми монолитами, зажатая корнями мертвого узловатого дерева, стала идеальным выбором. Узкий вход, который легко контролировать одному человеку. Нависающий козырек, закрывающий от кислотных дождей. И главное — глубокая трещина в тыльной части грота, уходящая высоко вверх по скале, создававшая естественную тягу.

Именно поэтому он потратил последние крохи сил на сооружение дакотского очага. Обычный костер в Секторе Ноль был равносильным самоубийству: столб дыма и открытый пламя привлекли бы падальщиков и хищников в радиусе пяти километров за считанные минуты. Дакотская система — две ямы, соединенные подземным тоннелем, где в одной горит огонь, а вторая служит поддувалом — сжигала топливо практически без дыма и скрывала открытый огонь глубоко под землей. Жар шел в скалу, а скудные испарения рассеивались в корнях деревьев высоко над расщелиной.

Вход он замаскировал щитом, сплетенным из ветвей колючего кустарника и дерна. Снаружи расщелина казалась глухим завалом из булыжников и сухостоя.

Только закончив обустройство лагеря и убедившись, что тепло от очага начало согревать промерзшие камни его лежбища, Глеб позволил себе сесть и расслабить одеревеневшие плечи.

Он закрыл глаза, опускаясь в глубины собственного сознания, туда, где под слоем органической усталости и боли все еще тлела искра первичного ядра.

Ему нужно было знать, сработал ли план. Достигла ли перезагрузка дна.

В темноте его разума вспыхнула единственная строка:

`[SYS_ROOT: REBOOT_SEQUENCE_COMPLETED. PROTOCOL "DEICIDE"
STATUS: ACTIVE.]`

`[CURRENT OPERATOR: GLEB\_VORONOV (UID: 0000-0000-0001)]`

`[SYSTEM RESTRICTION: ALL PRIVILEGES REVOKED PENDING GENERAL
PROGRESSION.]`

`[PROGRESSION REQUIREMENT: SURVIVE 24 HOURS IN SECTOR ZERO (18:42:11
REMAINING).]`

`[REWARD UPON COMPLETION: ACCESS TO PRIMARY ARCHITECT LOGS.]`

Глеб усмехнулся углом рта.

«Никаких поблажек. Даже самому себе. Молодец, Воронов, ты создал идеальную тюрьму. Теперь попробуй из нее сбежать».

Он открыл глаза.

Снаружи, за маскировочным щитом, ночь вступила в свои права. Далеко внизу, у реки, раздался леденящий душу вой — протяжный, механический, переходящий в ультразвуковой визг. Ему ответил глухой трубный рев со стороны долины. Ночные хищники вышли на промысел. Где-то там, во тьме, гибли те, кто не успел найти укрытие, кто жег костры на открытых полянах, кто кричал от ужаса, зовя на помощь богов, которых больше не существовало.

Глеб положил костяное копье на колени, провел пальцем по острому краю обсидианового клыка и прислонился затылком к камню.

Он не собирался спать глубоким сном. Опыт выживания подсказывал режим полудремы — состояние, при котором тело восстанавливает силы, но сознание бодрствует, реагируя на каждый шорох за пределами пещеры.

Завтра начнется настоящая работа. Ему нужно будет исследовать правый берег, найти залежи руды, начать поиск первых фрагментов кода и, самое главное, выяснить, кто еще из Высших сумел пережить перезагрузку в органической оболочке.

Они неизбежно попытаются вернуть власть. Они будут собирать армии, создавать культы и искать уязвимости в его новой Системе.

Но первый ход в этой партии остался за ним.

Глеб Воронов закрыл глаза. Огонь в дакотском очаге тихо потрескивал, отдавая тепло камню, а за узкой расщелиной корней, высоко в холодном чужом небе, три незнакомые луны чертили свои первые траектории над руинами старого мира.

Глава 6. Глава 6

Воздух пах остывающим шлаком, сырым кремнием и тяжелым, концентрированным озоном — так пахнет пространство вокруг разорвавшегося высоковольтного трансформатора за секунду до того, как оплавится медь.

Глеб Воронов стоял на узком уступе базальтового хребта, вцепившись пальцами в шершавый, острый скол породы, и смотрел вниз, в разверзшуюся перед ним бездну Нулевого Сектора.

Ветер здесь не дул — он накатывал плотными, упругими волнами, словно атмосфера только что распакованного мира еще не научилась плавному течению и сминалась в складки от собственного давления. Небо цвета запекшейся венозной крови медленно темнело, наливаясь тяжелой чернильной синевой. В зените, там, где еще несколько часов назад полыхали золотые и лазурные купола Седьмого Неба, теперь зияла колоссальная черная брешь — след от форсированного стирания шестнадцати измерений.

Главный вопрос, пульсировавший в висках вместе с тяжелым, непривычным ритмом биологического сердца, звучал предельно просто и пугающе:

Достигла ли перезагрузка дна?

Глеб медленно опустился на одно колено, поморщившись от резкой боли в суставе. Человеческое колено. Тонкие связки, хрупкие хрящи, рецепторы, транслирующие в центральную нервную систему примитивный сигнал о физической перегрузке. Как давно он не ощущал молочной кислоты в мышцах? Двести тысяч лет? Больше? В прежнем бытии, когда он оперировал звездными скоплениями как переменными в цикле, само понятие боли было не более чем строкой телеметрии, предупреждением о локальной энтропии на периферии подконтрольного кластера.

Теперь боль была его единственным безусловным ориентиром.

Он прижал ладонь к базальту. Камень вибрировал. Это была не тектоника — это была компиляция. Пространство укладывалось в новые координатные сетки, гравитационная постоянная дрожала между значениями 1.05 и 1.09 g, заставляя внутренности то неприятно проваливаться, то наливаться свинцовой тяжестью.

Если перезагрузка застряла на верхних слоях, если протокол «Богоубийство» не сумел вычистить корневые каталоги прежней Системы, значит, Пантеон не умер. Значит, где-то в гиперпространственных карманах уцелели аварийные копии Демиургов — их кэшированные сущности, их неприкосновенные запасы божественной эссенции, готовые развернуться обратно и накрыть новый мир тем же застойным, гниющим куполом вечной диктатуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.